

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
СТЕРЛИТАМАКСКИЙ ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Л. М. Хусаинова

Башкирское письмо

Монография

Стерлитамак 2012

УДК378 (072)
ББК 74.582.68р30
Х 98

Рецензенты:

кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Г.Н. Ягафрова (Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа); кандидат филологических наук, доцент Г.Г. Кагарманов (Стерлитамакский филиал БашГУ); кафедра башкирского языка (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Ответственный редактор – доктор филологических наук, профессор Эрнст Файзрахманович Ишбердин (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Х 98 Хусаинова Л.М. Башкирское письмо : монография. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2012. – 119 с.

Монография посвящена истории башкирского письма, изучению основных этапов его формирования. В отдельных главах дается обзор видов фонографического письма, представлены интересные материалы об азбуках и алфавитах башкир, составленных до XX в.

Книга предназначена для филологов, преподавателей и студентов, а также для тех, кто интересуется вопросами возникновения и развития письма.

© Л.М. Хусаинова, 2012
© Стерлитамакский филиал
БашГУ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что такое письмо? Когда оно появилось? Всегда ли оно было таким? И вообще, зачем человеку понадобилось писать, если к этому времени у него сформировалась членораздельная речь? Такого рода вопросы часто мы слышим от детей, и сами иногда задаемся ими, особенно тогда, когда не можем вспомнить нужное орфографическое правило, чтобы без ошибок написать то или иное слово. Каждому учителю словесности приходится в ходе своей профессиональной деятельности так или иначе отвечать на вопросы, связанные с возникновением языка и письма. А самое интересное то, что на эти вопросы невозможно дать исчерпывающий ответ.

История не знает ни одного общества, которое не имело бы языка. Этнография тоже не знает ни одного, даже наиболее отсталого народа, который не владел бы языком. Владеть языком, разговаривать, выражать свои мысли вслух – такое присуще только человеку. Но ему этого оказалось не достаточно. В предисловии к книге Н.А. Павленко «История письма» сказано, что человечество не могло не изобрести на определенном этапе своего развития письменность [Павленко, 1987:7]. Письмо как средство общения, как средство сохранения и накопления духовного богатства человечества когда-то вошло в нашу жизнь, и теперь нам даже тяжело представить общество без него, хотя на Земле все еще остаются языки, не имеющие письменности.

Письмо – одно из величайших изобретений человека. Фиксация информации средствами письменности стала основой общения на огромных расстояниях в пространстве и во времени. При сохранении понимания письма как генетически дополнительного к звуковой речи средства общения особо акцентировано, что в жизни современного человека письмо выполняет не меньшую, а даже большую роль, чем звуковая речь, что при помощи письма современный человек получает больше информации, чем при помощи речи, а графические образы слов

становятся сейчас почти такими же материальными носителями понятий, как и фонетические образы слов [Истрин, 1965:9].

Интерес к вопросам происхождения и развития письменности возникает в ответ на определенную социальную задачу. Раздел языкознания, который занимается изучением вопросов, связанных с письменностью, называется грамматологией (от греч. *gramma*, род. п. *grammatos* – буква, написание и *logos* – наука, учение). Термин «грамматология» принят большинством отечественных ученых и широко распространен за рубежом. Ввел его в 1952 году известный американский лингвист, востоковед И.Е. Гельб в своей книге «Исследование письма», где впервые сформулирован круг задач, стоящих перед наукой о письме. По мнению автора, грамматология как отрасль языкознания появилась достаточно давно, практически одновременно с языкознанием. Традиционно этот раздел лингвистики устанавливает и изучает соотношения между буквами алфавита и звуками речи.

В грамматологии подлежат разграничению термины «письмо» и «письменность». Термины эти нередко отождествляются, между тем содержание их различно. Письмо представляет собой дополнительное к звуковой речи средство общения. Письменностью же следует называть результат использования этого средства, т.е. совокупность документов, выполненных письмом того или иного народа [Истрин, 1965:57]. В нашей работе термин «письмо» используется в широком значении, т.е. письмо – это средство общения, передача информации. В противоположность к этому пониманию письмо можно рассматривать в узком значении, т.е. письмо – это средство общения при помощи обозначения на письме звуков речи. Изучая письмо в широком значении, оно делится на два периода: 1) дописьменный – период, когда информация передается при помощи предметов, рисунков, символов; 2) письменный период – период, когда для передачи информации используются графемы (буквы).

Письмо, которое знает наш современник XXI в., прошло длинный путь развития. В процессе формирования фонографической письменности человек научился различать в составе слова отдельные звуки, передавать на письме сначала понятия, потом слоги, и только потом звуки. На протяжении тысячелетий менялись орудия и материалы письма: от камня, глины, папируса, пергамента, воска, бересты, долота, заостренной палочки, кисточки, гусяного пера – к современным стальному перу, карандашу, шариковой ручке и бумаге [Соколов, 1989:5]. Все это не могло оставаться вне внимания ученых. Возможно этим и объясняется интерес лингвистов к этой проблеме, которыми на сегодняшний день накоплен значительный материал по данной теме.

Вопросам изучения возникновения письма посвящен достаточно большой объем научной и популярной литературы. Данная тема исследуется многими зарубежными и отечественными авторами. На русском языке появились книги чешского лингвиста Ч. Лоукотки [Лоукотка, 1950:320], британского ученого Д. Диригера [Диригер, 2004:656], немецкого профессора И. Фридриха [Фридрих, 2012:464], американского грамматолога И. Гельба [Гельб, 2004:368]. Большой интерес вызвали монографии советских филологов В.А. Истрина [Истрин, 1965:600], Н.А. Павленко [Павленко, 1987:239]. В специальных монографиях изложена история письма, психофизиологические и методические вопросы письма, графемика как наука о различных графических элементах письма, статистика письма и др.

Тем не менее, в процессе изучения данной проблемы открытыми остаются некоторые вопросы, в частности, касающиеся башкирской письменности. Тюркское, в том числе башкирское письмо, прошло долгий и сложный путь формирования. Изучение истории письма неразрывно с изучением башкирского языка. Как известно, первое упоминание о башкирском языке встречается в словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» (XI в.). Изучение башкирского языка началось в конце XVIII–XIX вв. и нашло отражение в трудах П.С. Палласа [Паллас,

1787–1789; 1790–1791], И.Г. Георги [Георги, 1799], М. Иванова [Иванов, 1842], М.А. Казем-бека [Казем-бек, 1846], И.Н. Березина [Березин, 1847; 1846–1849], М.-С. Бекчурина [Бекчурин, 1869], В.В. Радлова [Радлов, 1882–1883], М.С. Уметбаева [Уметбаев, 1901], М. Кулаева [Кулаев, 1912] и др.

По изучению вопросов формирования и развития тюркского письма имеется ряд работ отечественных и зарубежных ученых двадцатого столетия. В виде обобщенной работы можно указать книгу Х. Ширин Усер «Başlangıcından Günümüze TÜRK YAZI SİSTEMLERİ» («Система тюркского письма: история и современность») (Республика Турция, г. Анкара, 2006 г.), где представлена обширная информация о письменности тюркских народов. Тюркские языки, исследуемые в работе, по практическому применению различных алфавитов разделены на 4 группы: языки, использующие греческую, арабскую, латинскую графику и кириллицу (башкирский язык представлен в этой группе).

При написании своей работы мы руководствовались исследованиями турецкого ученого К. Миршана [Kazim Mirşan, 1994], известного тюрколога, академика М.З. Закиева [Закиев, 2005:248], башкирского ученого К.З. Ахмерова [Ахмеров, 1972:134]. Во всех этих работах тюркские языки рассматриваются как имеющие и в древности свое письмо. Тем не менее, в отечественной литературе башкирский язык, как и многие языки малых народов Российской Федерации, рассматриваются в числе младописьменных. Так, в социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации» (М.: Academia, 2000), сказано, что в Российской Федерации, где представлены языки разных генетических групп и семей (индоевропейские, северокавказские, тюркские, монгольские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, самодийские), в десяти республиках основными титульными языками являются тюркские (алтайский, башкирский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, чувашский, хакасский, якутский), в пяти республиках – финно-

угорские (карельский, коми, мордовский, марийский, удмуртский), в пяти других республиках – северокавказские языки (абазинский, аварский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, лезгинский, чеченский), в двух республиках – монгольские языки (бурятский, калмыцкий) и в двух республиках – индоевропейские иранской группы (осетинский и татский), при этом большинство этих языков являются младописьменными, «так как статус литературных они получили лишь в советское время» [Письменные языки мира, 2000:XVII]. Здесь необходимо уточнить, что башкирский язык можно рассматривать младописьменным лишь в том плане, что национальная башкирская письменность, предназначенная для написания только башкирских слов, была приобретена после Октябрьской революции. А башкирское письмо как средство общения имеет более глубокие корни. Именно эта мысль стала основной идеей нашей работы.

В предложенной монографии предпринята попытка путем комплексного анализа имеющегося материала, касающегося башкирского письма, проследить историю формирования башкирского письма. В работе представлены основные классификации этапов истории письма, по мере возможности, приведены примеры, подтверждающие наличие данного этапа письма среди башкирского народа, дана информация о дореволюционных азбуках и алфавитах башкирского языка, проиллюстрированы башкирские алфавиты.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА

В мире насчитывается от 3000 до 6000 языков. По мнению ученых, все языки мира на раннем этапе своего существования (в виде праязыка) были бесписьменными. Письмо является как дополнительное к звуковой речи средство общения, возникающее на базе языка, служащее главным образом для передачи речи на большие расстояния и для закрепления ее во времени. Оно возникло значительно позже звуковой речи, и появилось тогда, когда в результате развития общества звуковая речь перестала удовлетворять возросшим и усложнившимся потребностям людей в общении. Действительно, звуковая речь тоже имеет свои недостатки: ограниченность в пространстве (речь слышна лишь на малом расстоянии) и ограниченность во времени (речь слышна только в момент ее произнесения) [Истрин, 1965:11].

По мере развития цивилизаций многие языки приобрели письменность. Появление письменности и ее развитие не шло одинаково во всех языках. Известный тюрколог К.М. Мусаев в своей книге «Языки и письменность народов Евразии» (М., 1993) приводит **классификацию языков, имеющих письменность**, по следующему принципу.

1-я группа языков. Языки, которые имеют непрерывные письменные традиции со времени создания национального письма в древности до наших дней. На этих языках сохранились уникальные древние рукописные памятники и их копии, выполненные на различных материалах (камне, пергаменте, дереве, бумаге и т.д.). После изобретения книгопечатания появляются книги, а с дальнейшим развитием печатного дела – газеты, журналы, учебные пособия и т.д. Таких языков немного.

2-я группа. Эти языки в древности имели письмо, но с течением времени развитие письменных традиций не было непрерывным, хотя в XIX в. и начале XX в. на некоторых из них выходили книги, газеты и журналы.

Об этих двух группах языков в первую очередь говорят, что они являются старописьменными.

3-я группа. В эту группу входят языки, которые не имеют столь ярко выраженных письменных традиций. На этих языках в советский период не издавались книги, газеты и журналы. Однако некоторые их образованные носители использовали письмо для различных целей: для сочинения поэтических произведений, личной переписки, обучения детей своих соплеменников грамоте и т.д. Об этой группе языков говорят, что у них имелись зачатки письменности.

4-я группа. Сюда входят языки, которые до революции вообще не имели письменности, а приобрели ее только в советское время. Иногда их называют «младописьменными». Носителей этой группы языков относительно немного, но по количеству ее языки составляют большинство среди современных письменных языков.

Бесписьменные языки также не однородны. Профессор К.М. Мусаев их разделяет также на несколько групп.

1-я группа. Эта группа наиболее многочисленная. Сюда относятся языки, которые никогда не имели письменности.

2-я группа. Здесь рассматриваются языки, которые относились к вышеупомянутой третьей, группе дореволюционных письменных языков, но их носители не смогли удержать собственную письменность и вынуждены были взять на вооружение письменный язык более крупных наций, в окружении которых они живут.

3-я группа. Языки, для которых письменность была создана в советское время, но их носители, так же, как и носители предыдущей группы, впоследствии потеряли собственную письменность и перешли на письменные языки обучения соседних, более крупных народов. При этом в быту они в разной степени сохраняют родной язык. Как правило, носители бесписьменных языков дву- или многоязычны и владеют другими языками народов бывшего СССР и прежде всего русским [Мусаев, 1993:6-7].

По данным профессор К.М. Мусаева, в республиках бывшего СССР представлено большинство тюркских языков мира – 20 письменных языков. В числе этих языков автором рассматривается и башкирский язык.

Как было сказано в предисловии, письмо в своем развитии прошло несколько этапов, и каждый период характеризуется различными видами письменности. Ниже приведены некоторые из них.

Этапы формирования письма

Исследователи возникновения и развития письма рассматривают следующие этапы в этом сложном процессе.

Американский ученый И.Е. Гельб в эволюции письма выделяет два вида [Гельб, 1982:185]:

1) **предписьменность**: *семасиография*, включающая древнейшие условные знаки, *пиктографию* и *примитивную идеографию*;

2) **собственно письмо**: *фонография*, которая выступает в таких разновидностях:

а) *словесно-слоговое письмо*;

б) *слоговое письмо*;

в) *буквенное письмо*.

В работе Н.А. Павленко «История письма» выделены следующие этапы развития письма [Павленко, 1987:20]:

– **пиктографическое**;

– **идеографическое и смешанное идеографическое**;

– **слоговое (силлабическое) и смешанное слоговое**;

– **буквенно-звуковое (фонемографическое) письмо**.

Академик М.З. Закиев в своей работе «Тюрко-татарское письмо» рассматривает следующие типы письма [Закиев, 2005:5]:

– **идеографический**;

– **словесно-слоговой (логографически-силлабический)**;

– **собственно-силлабический**;

– **буквенно-звуковой (алфавитный)**.

По классификации профессора Б.Т. Ганеева рассматриваются [Ганеев, 2011:102-111]:

- **предметное письмо;**
- **графическое письмо (идеография и фонография).**

При этом автор пишет, что исторически обоим видам письма предшествовала *пиктография* как первый этап развития графического письма. Пиктография перешла в *идеографическое письмо*, которое является вторым этапом. *Фонография* возникла как третий этап развития письма.

Исследователь башкирского письма К.З. Ахмеров выделяет следующие этапы [Ахмеров, 1972:7-12]:

- **предметное письмо;**
- **пиктографическое письмо;**
- **идеографическое письмо;**
- **слоговое письмо;**
- **буквенно-звуковое письмо.**

По мнению В.А. Истрина, методологически правильная классификация письма должна исходить из значения знаков [Истрин, 1965:48-49]. Письмо служит для передачи речи, поэтому письменные знаки и изображения должны подразделяться на типы, в зависимости от того, какие элементы речи ими передаются. На базе этих теоретических положений, а также на базе фактических материалов истории письма, письменные знаки и изображения им подразделены на следующие пять основных категорий:

I. **Фразограммы** – начертательные знаки или изображения (в том числе символические и даже условные), передающие целые сообщения, графически почти не расчлененные на отдельные слова.

Виды фразограмм:

- *пиктографические;*
- *древнейшие условные знаки (тотемные, табу и т.п.).*

II. **Логограммы** (от греческого *logos* – слово) – начертательные (в том числе изобразительные) знаки, передающие отдельные слова.

Логограммы делятся на следующие виды:

1. *Семантические* (основной признак – синонимия, дополнительный – нередкая связь значения знака с его формой):

А. *Древнейшие* (шумерские, древнекитайские и т.п.):

1) самостоятельные знаки слов (в том числе гетерограммы);

2) детерминативы (смысловые определители);

Б. *Современные* (цифры, научные и технические знаки).

2. *Фонетические* (основной признак – омонимия, дополнительный – отсутствие связи значения знака с его формой).

III. **Морфемограммы** – начертательные знаки (в том числе изобразительные), передающие мельчайшие значимые части слов – морфемы.

1. *Семантические* (признаки те же, что и для семантических логограмм).

2. *Фонетические* (признаки те же, что и для фонетических логограмм).

IV. **Силлабограммы** или иначе слоговые знаки – начертательные знаки, передающие фонетические части слов – слоги. Разновидности слоговых знаков:

1. Знаки обозначают любые слоги.

2. Знаки обозначают только открытые слоги.

3. Основные (нелигатурные) знаки обозначают только изолированные гласные или сочетания согласный плюс гласный *й*.

V. **Фонограммы (фонемограммы)** или иначе буквенно-звуковые знаки, передающие мельчайшие фонетические элементы речи – отдельные звуки или фонемы. Буквенно-звуковые знаки бывают:

1. Только консонантные.

2. Консонантные с особыми способами огласовки:

А. При помощи *matres lectionis*.

Б. При помощи надстрочных и подстрочных значков.

3. Консонантные и вокальные.

Кроме основных знаков существуют и **вспомогательные знаки**:

1. Диакритические – служащие для изменения или уточнения значения звука или слога.

2. Пунктуационные и словоразделительные, служащие для обозначения интонаций, пауз и членения речи.

Классификация Н.Н. Соколова, предложенная в его книге «Письмо вчера, сегодня, завтра» близка к классификации В.А. Истрина:

– **фразеогаммы** (или пиктограммы) – рисуночное письмо, в котором сообщение не расчленяется на отдельные слова, а выражено целыми фразами;

– **логограммы** (словограммы) – знаки, передающие отдельные слова или понятия;

– **морфемогаммы** передают минимальные значимые части слов – морфемы, т. е. корни, приставки, суффиксы, окончания;

– **силлабограммы** (словограммы) передают в письме слоги;

– **фонограммы** передают отдельные мельчайшие элементы речи: гласные и согласные. Иначе называются **алфавитным** или **буквенно-звуковым письмом**. Может быть **письмо консонантное** (выражаются одни согласные) и **консонантно-вокализованное** (выражаются согласные и гласные).

По мнению Н.Н. Соколова, первые четыре типа письма зародились в глубокой древности; это – самые ранние типы. Алфавитное консонантно-вокализованное письмо, которым мы пользуемся, является позднейшим и самым совершенным типом письма в отношении простоты и доступности для обучения, точности и скорости [Соколов, 1989:9].

Обзор некоторых работ по грамматологии показывает, что идеография и фонография как основные этапы развития письма признаются всеми исследователями, а по отношению к предметному письму и пиктографии мнения расходятся. На наш взгляд последние две разновидности общения имели место

быть в истории человечества, следовательно, их также следует изучать в системе развития письменности.

На основе вышепредставленных классификаций, мы в своей работе предлагаем рассмотреть следующие этапы в развитии письма.

Дописьменный период:

- *предметное письмо;*
- *пиктография.*

Письменный период:

- *идеография;*
- *слоговое письмо;*
- *фонография.*

Фонографическое письмо в башкирском языке представлено несколькими алфавитами. Тюркские народы, в том числе башкиры, в историческом плане имели следующие разновидности письменности: они знакомы с руникой; читали произведения, написанные уйгурскими буквами; долгое время пользовались алфавитами, основанными на арабской графике; в 30–40-х годах XX столетия, когда все малые народы бывшего Советского Союза перешли на латиницу, писали латинскими буквами, и, наконец, с 1941 года пользуются действующим алфавитом на кириллице. Далее нами рассматриваются периоды, непосредственно имеющие отношение к башкирскому письму.

ДОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД

ПРЕДМЕТНОЕ ПИСЬМО

«Писать» можно не только с помощью знаков письменности, но и с помощью самых разнообразных предметов и вещей. Предметное письмо можно найти в любой части света у народов, не имеющих «настоящей» письменности.

Предметное письмо рассматривается не всеми исследователями, так как в данном случае идет речь о передаче информации при помощи различных предметов. Люди общались на расстоянии и во времени различными доступными им способами и средствами. Н.А. Павленко считает, что одни из них могли носить непреднамеренный характер, другие – преднамеренный [Павленко, 1987:12]. Например, человек, увидев дым костра или почувствовав запах приготавливаемой пищи, понимает, что где-то недалеко находятся люди. Такой способ «оповещения» носит непреднамеренный характер. На основе подобных явлений складывалось преднамеренное использование некоторых сигналов. Человек, например, начинал вполне намеренно обращать внимание других людей на свои следы с целью ориентировки на местности и ориентировался по ним сам. Н.А. Павленко описывает использование человеком в качестве сигнала ветки. Например, ветка, направленная верхушкой в нужную сторону, сообщала, что охотник ушел по следам животного. Ветвь, перегородившая тропу поперек, означала «не иди за мной».

В.А. Истрин в своей книге «Возникновение и развитие письма» приводит в качестве примера предметного письма сигнализацию дымом, огнем костров, барабанным боем. Для закрепления во времени использовались предметы, которым придавалось символическое значение, например, курган как знак захоронения, ограда как знак собственности [Истрин, 1965:12].

Со временем предметы, когда в качестве вещания использовались одни и те же, начали приобретать условные обозначения, они использовались как условная сигнализация. В условной сигнализации предметы, вещи сами по себе ничего не выражают [Павленко, 1987:14]. В данном случае предполагается предварительная договоренность общающихся о том, что тот или иной предмет или вещь должны обозначать. Такими являются письмо *кипу*, *вампум*, *зарубки на бирках*, *жезлы вестников*. Основная функция предметного письма в таких случаях – мнемоническая, то есть оно служит для запоминания или напоминания.

Примером предметного письма могут служить палки с зарубками, которые использовались различными народами для счета, для оформления договорных отношений и в мнемотехнических целях. Похожую информацию мы находим в работе К.З. Ахмерова «Из истории башкирской письменности». Автор книги описывает, как в 20-х годах XX в. среди башкир использовались деревянные бирки для определения своего товара, например, когда шкуру животных сдавали для выделывания. На шкуру привязывался небольшой кусок дерева, скорее, ветка, которая отламывалась, т.е. расщеплялась на две половинки. Одна часть вместе со шкурой отдавалась мастеру, другая оставалась у хозяина товара. Путем прикладывания двух частей бирки, если отломленные куски совпадали, хозяин находил свой товар [Ахмеров, 1972:6]. Тот факт, что башкиры использовали бирки с зарубками в мнемотехнических целях подтверждается фразеологизмом *Колагыңа киртеп куй* (букв. *Заруби у себя на ухе, эквивалент на русском языке – Заруби (у себя) на носу*), что означает «запомни» [Ураксин, 1989:110].

В качестве предметного письма могли служить соль и перец: соль – знак дружбы, согласия, перец – выражение несогласия, символ вражды. В таких целях использовались они у жителей Суматры – одного из крупнейших островов Индонезии [Ахмеров, 1972:5]. О том, что соль означает хорошую весть, можно судить и по тому, как обычно встречают дорогих гос-

тей – хлебом и солью. Эта традиция практикуется и в наши дни. Более того, во время свадьбы у башкир при помощи перца и соли выражали симпатию или противоположное чувство к жениху. Так, после свадьбы, когда жениха приглашают на чай («кейәү сәйе»), и самые шустрые свояченицы подсыпают в его чашу соль или перец, в зависимости, понравился он им или нет [Азнагулов, 2001:119].

Ярким примером предметного письма является послание Гюльюзем своему возлюбленному Айбулату, описанное в романе Х. Давлетшиной «Иргиз» [Давлетшина, 1988:128]: «... Гюльюзем вырезала из густо-розового платка, в котором была весною у родника, два цветка. Тут же лежала спичка с обуглившимся концом, а к ней было привязано голубиное перышко. И еще кисет из красного бархата с оторочкой из зеленого атласа, с бахромой из разноцветных шерстяных ниток. Эти подарки были полны сокровенного смысла! Два лоскутка с цветками, вырезанные ею из платка, означали, что Гюльюзем помнит ту встречу у ручья, за аулом, встречу двух любящих, молодых, как весенние цветы, сердец... Головка спички сгорела – это Гюльюзем лето промучилась в тоске, сгорала от нетерпения свидеться с суженным... Были б у нее крылья, прилетела бы к нему! Кисет... Ну понятно, если девушка добровольно прислала парню кисет, то сие обет верности на всю жизнь, до окончания века».

Прочитав эти строки, нельзя не согласиться с мнением В.А. Истрина о том, что предметные способы общения очень выразительны, понятны и экспрессивны, в особенности при передаче сообщений на большие расстояния [Истрин, 1965:95].

В книге «Образцы башкирской разговорной речи» под редакцией профессора Н.Х. Максютовой приводится текст, записанный в 1971 г. в д. Ямансары Куюргазинского района РБ от жительницы этого села Давлетшиной Сарбиямал (1901 года рождения) «Подслушивание», где описан «диалог» при помощи предметов [Образцы, 1988:90]: «Чтобы из трех домов подслушать слово три девушки выходят ночью. Каждый из троих

загадывает себе думку, не говоря друг другу: что меня ожидает, возьмет ли меня этот парень, вернется ли жив-здоров из армии. Сами ни слова не говорят. Тихонько идет каждая к трем домам. Около окна следят, подслушивают. Если те, кто в доме почуют, что их подслушивают, берут подушку и переворачивают, это показывает, чтобы подслушивающие оглохли на всю жизнь. Или берут замок и закрывает его, чтобы немьм стал. Выслушав слова из трех домов, возвращаются в укромный дом, пересказывают услышанное и разговаривают».

Предметное письмо использовалось тогда, когда неудобно напрямую высказать свою мысль. Например, во время свадьбы, если гости задерживаются и не хотят уезжать, а говорить в открытую, что уже «пора бы сватьям уходить», нельзя, то об этом дают понять другими способами. У племени башкир-минцов, проживающих в бассейне реки Уршак (современные Миякинский, Аургазинский, Давлекановский районы РБ), в последний день свадьбы хозяева с улицы стучат бревном в угол дома, где сидят «баш козалар» (родители жениха или невесты), что означает время завершения свадебного пира.

В книге «Образцы башкирской разговорной речи» описывается свадьба, прошедшая в д. Сайтбаба Гафурийского района, где есть такие строки [Образцы, 1988:122]: «Четверо суток продолжается меджлис. В прощальный день варят ритуальную кашу – төрткө буткаһы, что предвещает конец угощения». Таким образом, хозяева не говоря вслух об этом, провожают гостей.

Следует отметить и тот факт, что предметное письмо сильно уступает собственному письму, поэтому его использование крайне ограничено. Главный недостаток «предметных писем» состоит в том, что с их помощью нельзя передать действие, динамику событий в виде развернутого текста [Кондратов, 1975:15].

Таким образом, хотя и не всеми языковедами рассматривается предметное письмо в разделе грамматики, оно было и остается одним из способов общения. Кстати, наши «узелки на память», которые мы завязываем с помощью носового платка,

скорее всего, являются пережитками этого некогда повсеместно распространенного вида общения. Более того, пережитки этого периода остались и широко распространены в виде подарков со смыслом или же, наоборот, в виде предупреждающих знаков. Поэтому предметы, имеющие смысловое значение, не должны оставаться вне внимания исследователей, и этот вид общения должен классифицироваться в системе грамматики.

ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Пиктография (от латин. *pictus* – писанный красками и греч. *grapho* – пишу) – система письма, средством которого являются рисунки, т.е. передача образов, впечатлений, событий, мыслей с помощью рисунка. Пиктограммы представляют собой сложный рисунок или же серию рисунков (а не иллюстрирующие), какое-либо целое сообщение, графически не расчлененное на отдельные слова. Таким образом они воспроизводят только содержание сообщений и не отражают языковых форм [Истрин, 1965:38].

В своей работе В.А. Истрин указывает несколько функций пиктографии: магическую (например, с целью обеспечить успех в охоте), мнемоническую (напоминательную), мемориальную (например, надгробные надписи), коммуникативную (пиктографические сообщения о событиях охоты и др.) [Истрин, 1965:63-66].

Элементы пиктографического письма встречаются в художественных произведениях. В своей книге А.М. Кондратов приводит такой пример: *«Даниэль Дефо в «Робинзоне Крузо» описал встречу героя романа с Пятницей. Робинзон сначала попробовал объясниться с дикарем с помощью слов, затем жестов. Однако лишь «язык рисунков», начертанных на песке, помог найти общий язык. К такому «языку рисунков» не раз и не два прибегали путешественники и купцы, не знавшие языка страны, в которой находились... Словом, практика пазиграфии солидна»* [Кондратов, 1975:216].

У английского писателя Р. Киплинга есть сказка «Как было написано первое письмо». В ней рассказывается, как маленькая девочка Таффи нарисовала на березовой коре письмо-рисунок матери с просьбой принести отцу новый багор для ловли рыбы. Но, к сожалению, ее послание было «прочитано» совершенно по-другому. Когда все выяснилось, главный вождь говорит следующее: *«О, шалунья, ты нашла на великое изобретение. ... Это великое изобретение впоследствии люди назовут письмом. Пока это лишь рисунки, а, как мы сегодня видели, рисунки не всегда понятны. Но настанет время, когда мы узнаем буквы и сможем читать и писать»* [Киплинг, 2002:18]. В данном случае показан основной недостаток пиктографического письма – смысл, заложенный в основу рисунка, может быть понят совершенно по-другому, ведь даже самая простая картинка допускает множество толкований, прочтений.

Представляющие интерес науке примеры пиктографического письма сохранились в виде изображений на камне, дереве, глине. Пиктограммы, высеченные или нарисованные на скалах, имеют особое наименование – «петроглифы». Профессор К.М. Мусаев отмечает, что территория бывшего Советского Союза располагает богатой коллекцией древних писаниц – наскальных рисунков, возраст которых исчисляется тысячелетиями. Самые древние рисунки имеют возраст двадцать, а то и тридцать тысяч лет. Почти все эти изображения представляют реальные предметы; символы и эмблемы встречаются очень редко. Они вполне могли служить основой для возникновения письменности в современном ее понимании [Мусаев, 1993:15].

До сих пор этнографы не обнаружили племени, которое не пользовалось бы «языком рисунков» или, как его еще называют, пиктографией [Павленко, 1987:16]. Манера изображения (людей, зверей и т. п.) почти одинакова у всех народов.

Петроглифы неолитического времени часто непосредственно соседствуют с граффити и надписями. Так, исследователи руники на Горном Алтае отмечают, что основной корпус древнетюркских надписей определяет сравнительно небольшие

надписи среди наскальных изображений [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012:22]. Авторами «Каталога древнетюркских памятников Горного Алтая» описывается граффити и надписи Туекта II и III следующим образом: *«Особенно красивую композицию из рисунков и надписей мы находим на скальном экране в окрестностях села Туекта... Тончайшими, еле видными резными линиями запечатлены образы стреляющего из лука всадника, пешего лучника, бегущих с высунутыми языками собак, пронзенной стрелой косули. Тонкость линий рисунков позволила древнему художнику передать детали одежды, снаряжения охотника. Возможно, что глагол уй̄л – «скакать рысцой», который прочитывается в надписи Туекта III, комментирует содержание рисунка»* [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012:23].

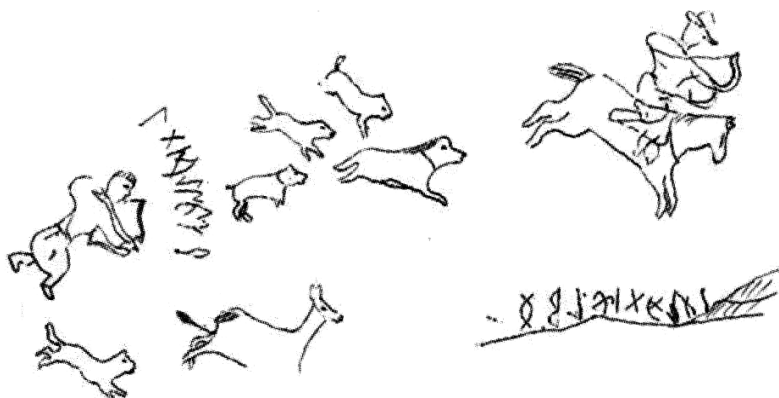

Иллюстрация из книги «Каталог древнетюркских памятников Горного Алтая». Граффити и надписи Туекта II и III

В качестве примеров пиктографического письма мы в данной книге рассматриваем рисунки, которые найдены на стенах пещер Шульган-Таш (Капово) (Бурзянский район РБ в верховьях р. Белой), Мурадымово (Кугарчинский район РБ) и Сыймалы-Таш (Игнатьевская) (на берегу реки Сим, притока реки Белой, близ села Серпиевка Челябинской области РФ).

Следует отметить, что таких пещер с рисунками достаточно много не только в Башкортостане, но и в других регионах России.

В системе тюркского письма шульганташские петроглифы исследованы турецким ученым К. Миршан в книге [Миршан, 1994], башкирским лингвистом Б.Т. Ганеевым [Ганеев, 2001:105].

Формирование уникального очага культуры мирового значения, представленного наскальной живописью этих пещер, происходило около 14–12 тыс. лет назад [Республика Башкортостан, 2007:42]. Здесь найдены различные рисунки, сделанные красной охрой. К настоящему времени в пещере Шульган-Таш выявлено более 50 разнотипных красочных изображений. Среди них рисунки зверей, особенно часто мамонта, различные условные знаки и расплывшиеся красные пятна (*приложение № 1*). Рисунки размещаются как на среднем, так и на верхнем ярусах пещеры на расстоянии от 170 до 300 м от входа. Главные рисунки сделаны на двух стенах верхнего этажа – в зале Рисунков и Купольном зале, где имеются изображения семи мамонтов, двух лошадей, носорога. Размеры фигур – от 44 до 112 см. Все животные переданы в реалистичной манере и в движении идут влево. Обращает внимание наложение одного рисунка на другой. Так, в зале Рисунков рядом с фигурой мамонта имеются едва заметные контуры изображения человека. Изучив их, ученые пришли к заключению о том, что рисунки на стенах пещеры Шульган-Таш были сделаны в разное время. Новейшие исследования показали, что рисунки выполнены в XII–X тысячелетиях до нашей эры. При исследовании культурных отложений около рисунков обнаружены обломки каменного сосуда и глиняного сосуда, где хранилась краска. Химический анализ позволил установить, что в составе краски (охры) имелся животный клей [Мажитов, Султанова, 2009:12-13].

Красочные изображения зверей пещеры Шульган-Таш в целом отличаются реалистическим характером, хотя и не лишены примитивизма и схематизма. Животные показаны достаточно живо, в движении, видимо, такими, какими их видел

первобытный художник. Хорошо узнаются, в частности, мамонты – наиболее популярные звери среди анималистических рисунков этой пещеры. С большой выразительностью переданы лошади. Можно распознать в изображениях носорога и, видимо, бизона. Однако есть рисунки и непонятных зверей.

Важнейшим и численно преобладающим компонентом живописи пещеры Шульган-Таш являются условные знаки чисто геометрического облика. Раньше их связывали со схематическими изображениями разного рода изделий или жилых сооружений палеолитических людей. Надо отметить, что условные знаки пещеры Шульган-Таш своеобразны и не имеют прямых аналогий среди геометрических форм изображений в палеолитической настенной живописи Западной Европы. Смысловая нагрузка этих знаков трактуется учеными по-разному: кто-то связывает их со схематическими изображениями разного рода изделий или жилых сооружений палеолитических людей, кто-то воспринимает их как знаки пола. Большинство этнографов видит в них аналоги тамг более позднего времени.

В долине реки Большой находится Мурадымовское ущелье, где найдено более 40 пещер. Наиболее известны три пещеры Мурадымовского ущелья – Старомурадымовская, Новомурадымовская и грот Голубиный.

Старо-Мурадымовская (Мурадымовская 2-я, Копченая) пещера расположена в правом борту долины реки Большой Ик, на высоте примерно 110 метров над уровнем реки. Старомурадымовская пещера имеет длину 210 метров. Ее стены покрыты рисунками, выполненными красной охрой нашими далекими предками конца мезолита – начала неолита [Кузеев, Пшеничнюк, 1984:145-147]. Возраст рисунков – около 10 тысяч лет. Исследователи отмечают, что именно здесь зафиксированы стилизованные антропоморфные фигуры, которые реже встречаются в других пещерах (*приложение № 2*).

Следы настенной живописи, аналогичные шульганташской, обнаружены в пещере Сыймалы-Таш. Там тоже имеются изображения мамонта, лошади, человека, нарисованные охрой и углем (*приложение № 3*). Возраст рисунков определен в пре-

делах XIII тысячелетия до н.э. [Республика Башкортостан, 2007:43].

С какой целью первобытные мастера покрывали стены своих темных пещер рисунками? Одни исследователи предполагают, что рисунки передавали «ощущения художника», его радость по поводу удачной охоты. Другие исследователи полагают, что изображения служили своего рода «магическими знаками», рисунками-заклинаниями, с помощью которых можно одолеть могучих, бизонов и мамонтов, стремительных козлов и кабанов [Кондратов, 1975:15]. Вполне возможно, что первобытный охотник, возвратившись с охоты, стремился рисунком закрепить образ поразившего его зверя: изображения животных выполнены с поразительным знанием их анатомии и повадок.

Как было сказано выше, В.А. Истрин пиктограммы рассматривает в системе фразографии. По его мнению, наряду с пиктограммами, другой разновидностью фразографии являются древнейшие условные знаки. К таким знакам относятся родовые и племенные знаки, в том числе тотемные, знаки собственности, различные магические знаки (например, знаки табу) и др. [Истрин, 1965:38]. В качестве примера рассмотрим тамги башкирских родов.

Изучению башкирских родовых тамг посвящены работы Д.Н. Соколова, Р.Г. Кузеева. Краевед, геолог и натуралист Д.Н. Соколов в работе «Опыт разбора одной башкирской летописи» выступил со статьей «О башкирских тамгах», занявшую весь 13-й выпуск «Грудов» Оренбургской ученой архивной комиссии (Оренбург, 1904). Он одним из первых оценил значение в изучении прошлого башкирского народа родового знака тамги. В статье сделана попытка вывести происхождение орхоно-енисейских рун из тюркских тамг. Всего исследователем было собрано и обработано 3500 башкирских тамг.

В своих работах академик Р.Г. Кузеев пишет, что из поколения в поколение башкиры передавали сведения о границах родовой территории при помощи родовых тамг. Известно, что раньше было принято на бревнах предварительно вырезать свою тамгу и закапывать в землю на границах своих владений.

И если возникали земельные споры, каждая сторона доказывала свою правоту, выкопав спрятанные под землей межевые знаки [Кузеев, 1957:74].

Общеродовая тамга являлась выражением единства рода. Видимо поэтому в XVIII в. часть родов и некоторые племена (Усерган, Тангаур) имели общую тамгу. Как отмечает академик Р.Г. Кузеев, в XVIII в. тамги у башкир в большинстве случаев были семейными. Так, башкиры-бурзянцы имели следующие тамги (дер. Старо-Субханкулово):

тамги из ара Аргынбай	
тамги башкир из ара Апсалиям	
тамги башкир из ара Куян	

Несмотря на некоторые различия семейных тамг, все они исходят от одной основной тамги, дополняя или варьируя ее [Кузеев, 1957:74-75]. Эту закономерность в свое время заметил и Д.Н. Соколов [Соколов, 1904:24-34]. В своей работе академик Р.Г. Кузеев приводит в качестве примера тамги племени усерган [Кузеев, 1978:127].

Тамга племени усерган	
Тамга рода бишей племени усерган	
Тамга родового подразделения ибанай рода бишей	
Тамга семей, входящих в родовое подразделение ибанай	

К изучению башкирских тамг мы вернемся в параграфе, где рассматривается руническое письмо, так как уже было сказано выше, некоторые ученые происхождения рун связывают с родовыми тамгами.

Одним из источников древнейших условных знаков, в том числе и знаков первоначального письма, был также орнамент [Истрин, 1965:88]. Орнамент, в первую очередь как разновидность украшения, широко использовался башкирами.

Так, интересная информация представлена в книге С. Нуриджановой (Хордикайнен) «Читайте полотенца!». Автор призывает учиться читать полотенца. *«Как всякий язык, тем более художественный язык узорного тканья башкирских, татарских полотенца – тастамалов, он требует знаний: понимания расположения составляющих его частей, наименования их, то есть, прежде всего обращает на себя внимание композиция узора, соотношение величин различных геометрических фигур»* [Нуриджанова, 2011:6]. С. Нуриджанова убеждена, что каждый орнамент представляет собой сообщение, информацию, и чтобы правильно «прочитать» его необходимо знать этот язык. *«Я вчитывалась в описание техники, материалов, узора, колорита и сверяла с собственными впечатлениями от своих полотенца. Я училась их «читать»... А потом я «прочитывала» их ученикам, слушателям, и всегда такое «прочтение» завершалось невероятным изумлением, открытием красоты, ведущим к постижению духа национальной культуры»* [Нуриджанова, 2011:10]. При описании полотенца автор башкирские и татарские изделия называет «тастамалами», признавая за ними особую культурологическую, можно сказать, знаковую роль в укладе, в обрядовых традициях народной жизни. Здесь же мы находим и элементы предметного письма: невеста, переступая порог дома жениха, должна была повесить свое полотенце в новом доме; полотенце последней вышедшей замуж перед Сабантуем молодой невесты развешивается в праздник на высоком шесте и достанется победителю, добравшему до него по шесту; лучшее полотенце приносили мулле в мечеть с надеждой на

силу его молитв; в память об усопшей дарили на кладбище ее полотенца близким и друзьям [Нуриджанова, 2011: 21].

Несколько примеров «прочтения» тастамалов С. Нуриджановой: «... в центре – двойной разомкнутый ромб (блестящие белые нитки, точно шелк) и странные «цитаты» из разомкнутых ромбов, зигзагов, какая-то одна его сторона, на конце которой геометрическая композиция больше всего похожа на стилизованный цветок. В зеркальных полосах геометрические фигуры вызывают в памяти изображения бабочек. Великолепное торжественное песнопение о силе народного духа, о силе традиций» (приложение № 4, первое полотенце) [Нуриджанова, 2011:26]; «...поразительной силы, масштаба композиция из тонких двойных шестигранников (усеченных сверху и снизу ромбов). Особенно выразительно срединное поле: два окна! Распахнуто, уверенно смотрящие в мир. Широкие, цвета льна, полосы держат всю композицию» [Нуриджанова, 2011:37]; «...ритм центральной полосы понятен: веселые маленькие розовые ромбы со сказочными гребнями-отростками, или это такие Х-фигуры с пузиками? И три аккуратных уже настоящих ромба с срединкой, тканной металлической нитью. «Прочитать» следующие две полосы, зеркальные, не могу: такой необычный, вызывающий ассоциации чуть ли не с модерном, геометрический узор» (приложение № 4, второе полотенце) [Нуриджанова, 2011:52].

Таким образом, пиктографическое письмо широко представлено среди башкирского народа. Пережитком этого вида письма в быту являются сохранившиеся вывески торговых и ремесленных заведений в форме рисунков: очки – «оптика», сапоги – «ремонт обуви», часы – «ремонт часов», ложка и вилка – «столовая». Дорожные знаки тоже имеют пиктографический характер. Интересное описание общения при помощи пиктограмм находим в работе Е.Н. Панова «Знаки, символы, языки»: «Вы выходите на улицу и видите перед собой синий круг с нарисованной внутри него фигуркой спешащего человека. Этот знак сулит вам безмятежную прогулку по пешеход-

ной дорожке. Неожиданно вспыхивающий впереди красный сигнал светофора заставляет вас вернуться к действительности. «Начинаю поворачивать налево!» – сообщает ритмичное мигание подфарника подъезжающего к перекрестку троллейбуса. «Перестраиваюсь в правый ряд» – сигналист своим случайным попутчикам человек, сидящий за рулем громящего грузовика. «Собираюсь остановиться» – отвечают ему красные стопсигналы идущего впереди комфортабельного рейсового автобуса. День и ночь не прекращается этот немой разговор, настойчиво ограничивающий многообразие человеческих желаний и планов жесткими рамками стереотипных дорожных ситуаций» [Панов, 1983:66].

В своей работе Е.Н. Панов показывает некоторое преимущество пиктографического письма. Действительно, регулирование уличного движения при помощи огней и знаков, а не посредством, например, надписей или плакатов правильнее и эффективнее. Броский, лаконичный, хорошо видный издали рисунок играет роль команды, требующей однозначного понимания и мгновенного выполнения. Именно поэтому, считает Е.Н. Панов, устные команды постепенно вытесняются простыми зрительными сигналами всюду, где наша деятельность регламентируется немногими стандартными правилами, отклонение от которых должно быть пресечено незамедлительно.

И спортсменам, и зрителям, присутствующим на футбольном матче, одинаково хорошо понятен решительный жест судьи, поднимающего над головой небольшую карточку ярко-желтого цвета. В словесной форме этот сигнал мог бы быть интерпретирован следующим образом: «Игрок № 9 команды «Зенит», я предупреждаю вас за грубую игру, вызвавшую травму у игрока № 5 команды «Динамо». При повторении подобной ошибки вы будете удалены с поля». Нужно ли выкрикивать столь длинную тираду, которую все равно мало кто услышит на огромном стадионе, если достаточно короткого жеста, чтобы и игрокам, и зрителям стал вполне ясен смысл происходящего?

И дорожные знаки, и сигналы светофоров, фар и подфарников, ставшая традиционной жестикуляция спортивных судей – все это, несомненно, средства общения, средства коммуникации. Однако таковыми они становятся лишь в силу того, что каждый сигнал, каждый жест может быть легко переведен в словесную форму, или, иначе, в форму дискретных знаков, отвечающих дискретным понятиям нашего естественного языка [Панов, 1983:66-67].

Таким образом, пиктография, хотя и не образовала «систему письма», продолжает свое существование в процессе общения. По мнению В.А. Истрина, она служила основой, на которой развивались логографические системы письма [Истрин, 1965:38].

ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Идеография (греч. *idea* – мысль, и *graphein* – писать) – система письма, в которой вместо букв, соответствующих звукам, используются знаки (символы), выражающие предметы и понятия. Основными средствами идеографии служат не наглядные изображения, а условные знаки, иногда лишь косвенно, символически указывающие на их значение. Иероглифы обозначают предметы и действия, поэтому для пишущих неважно, как звучат названия этих предметов и действий. С помощью иероглифов могут общаться люди, говорящие на разных языках. Следовательно, иероглифическое письмо позволяло людям разных этносов в рамках одной империи не терять свой язык и в то же время свободно общаться друг с другом.

В Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, под инвентарным номером 15 000, хранится древнейшая из дошедших шумерских табличек. Возраст ее минимум 5100 лет (возможно, и все пять с половиной тысячелетий). А так как именно шумеры первыми на земном шаре начали свой путь к изобретению письма, то эта табличка по праву может быть названа самым древним письменным документом планеты, считает Н.А. Павленко [Павленко, 1987:32].

На эрмитажной табличке всего четыре знака: тиара, знак, символизирующий женщину, рука и ограда. Хотя они имеют рисуночный, «пиктографический» характер, это все-таки не пиктограмма, не «рассказ-картинка», а запись. Все знаки таблички имеют самостоятельное значение, они символизируют одно определенное понятие (или группу близких понятий: тиара может означать и царя, и царицу, и власть). Знаки эрмитажной таблички – это настоящие идеограммы, знаки определенных понятий или вещей [Павленко, 1987:32-33].

Высшим этапом развития идеографии является иероглифическое письмо. Оно появилось в Древнем Египте 4000 лет до

н.э. Некоторые авторы называют иероглифы монументальным письмом, потому что им пользовались для надписей на стенах храмов и общественных зданий, на памятниках и статуях богов. Такое письмо сохранилось в Китае, Японии. Когда каждое понятие имеет свое изображение, число иероглифов резко увеличивается. Так, чтобы стать грамотным в Китае и читать газеты, надо запомнить хотя бы 3000 иероглифов, знающий менее 500 иероглифов в Китае считается неграмотным, такой человек не может читать даже газет. Но и люди с высшим образованием знают не более 6–7 тысяч иероглифов. Полные же словари китайского языка содержат примерно 50 000 иероглифов.

К идеографическим письменностям также можно отнести символные языки, в частности, принятые в разных странах языки глухонемых.

В нашем языке идеографическое письмо осталось в виде специальных знаков, которые все больше вытесняют слова в первую очередь в научных трудах. Так, \sim дуга обозначает корень слова, крышечка \wedge – суффикс, прямая линия с ломаным концом справа \dashv – предлог, буква С внутри круга © – авторское право. А.М. Кондратов сравнивает знаки лингвистики и дорожные знаки, и приходит к выводу, что между ними есть общее. Дуга, поставленная над знаком, обозначает глагол (ведь знаки предписания действия в дорожной сигнализации заключены в круг). Угол над знаком говорит, что перед нами прилагательное (треугольные знаки предупреждения в дорожной сигнализации), черта – существительное (часть прямоугольного дорожного знака, который обозначает указатель) [Кондратов, 1975:218-219].

В качестве примеров идеографического письма Н.Н. Соколов приводит следующее: математические знаки – $+$, $-$, $>$, $<$, $\sqrt{\quad}$, ∞ , \int и т. п.; химические знаки – **S** – сера, **O** – кислород, **C₆H₆** – бензол, **SiO₂** – кремнезем и т. п.; астрономические знаки: ☉ – Солнце, ☾ – Луна, знаки Зодиака – и многие другие [Соколов, 1989:12].

Ученые отмечают, что количество «универсальных символов с каждым годом растет, ибо появляются новые научные дисциплины и вводятся новые специальные знаки. В какой-то мере это означает возвращение идеографического письма вместо фонографического. Но в то же время, создавая новые символы-идеограммы, человечество не отказывается и от достижений тысячелетий, от фонетического письма. Таким образом, наша письменность становится смешанной, «буквенно-идеографической» [Кондратов, 1975:221]. Например, тесты научных статей по математике или ядерной физике написаны именно таким «буквенно-идеографическим» письмом. Действительно, в научных текстах идеограммы имеют ряд преимуществ: они понятны на всех языках, сокращают словесную запись. Но это не означает, что фонографическое письмо опять перейдет в идеографическое. Использование последнего расширяется в первую очередь в научной литературе, но заменить художественное слово оно не может. Нельзя не согласиться с мнением А.М. Кондратова: «Научная, специальная, техническая литература будет записываться «средствами машинной письменности», а художественная – средствами привычного традиционного письма. В этом смысле «буквы» умрут только вместе с живым человеческим словом» [Кондратов, 1975:223].

СЛОГОВОЕ (СИЛЛАБИЧЕСКОЕ) ПИСЬМО

Силлабическое письмо (от греч. syllabe – слог) слоговое письмо, в котором знак (силлабема) передает звучание последовательностей согласных и гласных фонем или одних гласных. Здесь рассматривается письмо, в котором одна графема обозначает открытый слог типа Г, СГ, СГСГ. Такое письмо сравнительно редкое явление, поскольку обусловлено специфическими особенностями языка.

Силлабографический тип письма появился во II тысячелетии до н. э. Сохранилось такое письмо до сих пор в Индии, частично в Индокитае, Эфиопии, в новых системах письма Япо-

нии. Слова передаются знаками слогов. Конечно, число слогов всегда больше числа звуков (букв). В современном индийском письме деванагари имеются 50 основных знаков и около 600 лигатурных (слитных). В японском слоговом письме – 70 знаков для слогов. В корейском слоговом письме – 1100 слоговых знаков, в эфиопском – 200 [Соколов, 1989:13].

Как было сказано выше, слоговое письмо предполагает передачу слога при помощи одного знака. По мнению ученых, оно удобнее для обучения и пользования, так как при таком письме можно обходиться гораздо меньшим количеством знаков [Истрин, 1965:185]. Выделение слога из речи психологически проще, чем выделение одного звука. Возможно поэтому и в современной буквенно-звуковой системе обучения грамоте начинают с чтения по слогам.

В русском алфавите в качестве силлабемы (графических значков, обозначающих слог, рассматриваются буквы *я, ё, ю, е*. Эти буквы приняты и в башкирском алфавите. В отличие от русского языка, в башкирском языке буква *ё* практически не употребляется: исключением являются заимствованные слова типа *шофёр, самолёт, вертолёт*.

Буквы *я, ю* могут обозначать два звука в следующих позициях: 1) в анлауте (*ялан, юл*); 2) в инлауте и ауслауте после гласных или после разделительных *ъ, ь* знаков (*куян, Акъяр, көньяк, Акъюлов*). Буква *е* передает два звука только в анлауте (*ер, еләк*). В остальных позициях она обозначает один звук [э].

ФОНОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО (КОНСОНАНТНО-ЗВУКОВОЕ, ВОКАЛИЗОВАННО-ЗВУКОВОЕ)

Фонография (греч., *phone* – звук и *grapho* – пишу) – письмо при помощи букв, т. е. письменных знаков, обозначающих те или иные звуковые единицы языка (звуки, слоги). Буквенно-звуковое письмо сформировалось позже слогового письма.

Согласно И.М. Дьяконову, «настоящее письмо возникает только там, где... каждое слово в речи и все грамматические

отношения между словами находят свое воспроизведение в начертательных знаках и, таким образом, воспроизводится не только общий смысл сообщения, но и его дословное содержание» [Дьяконов, 1963:9].

Буквенно-звуковое письмо подразделяется на два основных вида:

1) на консонантно-звуковое, в котором основные знаки (буквы) обозначают только согласные звуки; оно появилось во второй половине II тысячелетия,

2) на вокализировано-звуковое, в котором передаются как согласные, так и гласные звуки. Впервые гласные звуки стали обозначать алфавитными буквами греки в начале I тысячелетия до н.э. [Истрин, 1965:331].

Создание первой чисто звуковой системы письма выпало на долю финикийцев и других западносемитских народов [Истрин, 1965:274]. Финикийцы проживали на восточном побережье Средиземного моря с центром в современном Ливане. Древнейшей финикийской надписью принято считать открытую в 1923 году в городе Библ эпитафию на саркофаге царя Ахирама. Археологи датируют царскую гробницу XIII в. до н.э. Однако сама надпись, по-видимому, сделана позже – в XII в., XI в., а скорее всего – в X в. до н.э., ибо все остальные древнейшие финикийские тексты, бесспорно, относятся к этому времени (различия же в знаках между текстом саркофага Ахирама и этими более поздними надписями невелики). Таким образом, примерно к 1000 году до н.э. сформировалось финикийское письмо [Кондратов, 1975:144].

В дальнейшем финикийское письмо вытесняется, возникшим на востоке на его же основе, арамейским, от которого ведут свое происхождение почти все буквенно-звуковые и некоторые слоговые системы Азии. На западе на основе финикийского сформировалось греческое письмо. Греческое письмо легло в основу латинской азбуки, славянского письма, а также письмен многих других народов мира. Восточные системы

письма в той или иной мере сохраняли консонантный принцип, на западе развивался вокализованно-звуковой тип письма.

В качестве примера фонографического письма может быть рассмотрено современное башкирское письмо.

Учитывая тот факт, что действующим алфавитом на кириллице башкиры пользуются с 40-х годов XX столетия, правильнее будет изучение всех график, использованных ими в разные исторические периоды.

Башкиры относятся к числу народов, имевших письменность с VIII в. н. э. В центральной Азии в 552 году образовалось государство Тюркский каганат (царство), который просуществовал до 755 г. В состав каганата вошли все современные тюркоязычные народы, в том числе и башкирские племена: табын, катый, тангаур, канлы и т.д. В Тюркском каганате пользовались, так называемым, руническим письмом. Каменные плиты, обломки гончарных изделий с руническими знаками сохранились на территории современного Башкортостана. Именно поэтому изучение фонографического письма башкир начнем с изучения рунического письма.

ГЛАВА 2. ВИДЫ ФОНОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К БАШКИРСКОМУ ПИСЬМУ

РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Руническим письмом (от германского слова «руна» – тайна») называется письмо, применявшееся германскими и англосаксонскими племенами до принятия ими христианства и связанного с этим перехода на латинский или же на специально созданный новый алфавит [Истрин, 1965:379]. Руны вырезались на самых различных предметах, высекались на камне, чеканились на металле.

Древнетюркское руническое письмо, так называемая орхоно-енисейская письменность, получило свое название по месту обнаружения первых памятников – в долине рек Орхон (Монголия) и Енисей (юг Западной Сибири, Россия). Внешней форме знаков, напоминающих германские руны, но не имеющих с ними генетической связи, обязано и название «руническое письмо». Древнетюркские письмена были открыты в начале XVIII в. шведом Ф.-И. Страленбергом. Он в своей работе «Северная и восточная части Европы и Азии» (Стокгольм, 1730 г., на нем. яз.) издает образцы этих надписей.

Конец XIX столетия в истории тюркологии ознаменовался событием эпохального значения: в 1889 г. Н.М. Ядринцев открыл в Монголии (на берегу реки Орхон) два больших рунических памятника – в честь Кюль-тегина и в честь Могилянхана (Бильге-кагана). Были организованы две экспедиции, результатом которых стали два атласа образцов, шесть сборников трудов. После издания атласов рунических надписей материала оказалось достаточно, чтобы приступить к дешифровке загадочных надписей, в которых первоначально видели наследие готов, греков, скифов, славян и др. [Кононов, 1982:309]. В декабре 1893 г. датский ученый Вильгельм Томсен выступил с докладом о своем опыте дешифровки рунических письмен. В январе 1894 г. академик В.В. Радлов представил С.-Пе-

тербургской Академии наук, конечно, «со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей» памятника в честь Кюль-Тегина, датируемый 731 г. н.э. [Кононов, 1982:310].

В течение XIX и XX вв. удалось обнаружить большое число подобных надписей, именуемых, по месту находок, «енисейскими», «орхонскими», «сибирскими» рунами. Оказалось, что они скрывают самый древний из всех известных тюркских языков, а сходство «азиатских» рун с европейскими – чисто внешнее (ибо знаки, подобные по форме, читаются в этих письменностях по-разному). Отличаются «азиатские» руны от своих европейских собратьев и числом знаков (тридцать восемь вместо двадцати четырех в стандартном руническом алфавите «футарк»), и характером письма. Европейские руны – чистый алфавит, а в азиатских встречаются и слоговые знаки. Графемы имели геометрическую форму, что было хорошо приспособлено для фиксации на камне и других материалах. Традиционно язык рунических памятников признают «наддиалектным» литературным языком тюркских народов, входивших или контактировавших с существующими в тот период крупными объединениями тюркских племен и тюркскими государствами (Тюркский каганат (VI–VIII вв. н.э.), Уйгурский каганат (VIII–IX вв. н.э.), Уйгурское государство в Восточном Туркестане (IX–XIII вв. н.э.) [Кононов, 1980:23].

Древнетюркские руны изучались многими учеными. Особенно большой вклад внесли в эту науку такие ученые, как Н.М. Ядринцев, В.В. Радлов, С.Е. Малов, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, отец и сын Л.Р. и И.Л. Кызласовы, С.Г. Кляшторный, Д.Д. Васильев, Дж. Клосон, А. фон Габен и др. Первые сведения о тюркском руническом алфавите мы находим в книге С.Е. Малова, «Памятники древнетюркской письменности» (М.-Л., 1951). Он, изучив и уточнив расшифровки памятников в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука, Таласский памятник, памятник из Суджи (Монголия), Енисейский памятник и др., составил таблицу алфавита рунического письма (*приложение № 5*). В своей работе «Корпус тюркских рунических памятников бас-

сейна Енисея» востоковед Д.Д. Васильев представил копии письменных памятников, составил таблицу практически всех знаков рунического письма (*приложение № 6*).

По мнению многих тюркологов, руническое письмо пережило три этапа в своем развитии:

1) архаический, к которому относят тюркские памятники Семиречья (VI–VII вв.), Енисея (VI–X вв.);

2) классический, к которому следует отнести только памятник Второго тюркского (тюркютского) каганата (первая половина VIII в.);

3) поздний, охватывающий памятники эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX вв.), памятники Восточного Туркестана (IX в.) [Древнетюркские рунические памятники, 1964:52-54].

Памятники тюркского рунического письма VIII–XI в. к настоящему времени представляют собой довольно значительную по объему и ценную в лингвистическом и историческом отношении часть обширного письменного наследия тюркоязычного мира. Исходя из дат, указанных в самих текстах, руническое письмо считается возникшим в VIII в. н.э.

Современные тюркологи, изучив язык этих памятников, в первую очередь памятников-поэм, которые написаны на хорошо обработанном литературном языке, а для установления норм литературного языка тогда потребовалось несколько веков, пришли к выводу, что время возникновения тюркского рунического письма можно отнести к V в.н.э. [Закиев, 2005:56].

Известный тюрколог Э.Р. Тенишев в своих работах, изучая тюркские рунические надписи, найденные в Поволжье, рассматривает их в отдельной группе, которая составляет евроазиатскую ветвь тюркской рунической письменности. Буквы и знаки поволжских рунических надписей напоминают буквы и знаки рунических письмен донского и кубанского ареалов. Подсчеты показывают, что донской и кубанский алфавиты ближе друг к другу, чем оба вместе к алфавиту поволжского ареала [Тенишев, 2006:157-170].

Тюркологи, занимающиеся исследованием руники, отмечают, что в целом евроазиатский тип текста рунического письма считается нерасшифрованным [Кызласов, 1994:178], хотя попытки прочтения его имеются. Интересную сводку тюркских рунических знаков сделал Х. Курбатов в своей книге «История алфавита и орфографии татарского литературного языка» (Казань, 1999 г.).

В статье «Тюркские рунические надписи Поволжья» Э.Р. Тенишева представлены прорисовки следующих надписей: Кураловской (Старокуйбышевское городище), Билярской (Билярское городище), Трой-Урийской (Рыбно-Слободский район РТ), Сарабиккуловской (Ленинградский р. РТ), Мурзихинской (Мурзихинское селище, на р. Кама), Танкеевской (Танкеевский курган), Микушкинской (с. Большое Микушкино Исаклинского района Куйбышевской (ныне – Самарской) обл.), Юринской (поселок Юрина Республики Марий Эл), Седьярской (д. Седьяр в Удмуртии), Афанасьевской (с. Афанасьево Зюзденского р. Кировской обл.). После каждой прорисовки дана транскрипция, сделан перевод и дан подробный комментарий о надписях. По мнению Э.Р. Тенишева, в поволжском ареале были использованы до двух десятков знаков, к ним добавлены знаки других традиционных алфавитных систем, известных составителям, использованы местные традиции. Хронологически поволжский ареал рунической письменности, по-видимому, старше донского и кубанского ареалов [Тенишев, 2006:168].

В 2012 г. издан «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» (составители – российские ученые Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, профессор Франкфуртского университета М. Эрдал), где представлены 90 рунических памятников Горного Алтая, результаты их документации и расшифровки, иллюстрации и прорисовки. Как отмечают авторы, алтайские рунические строки нанесены на скалы мелкими знаками, выведенными тонкими бороздками, многие из них не предназначались для широкого круга читателей и носили глубоко

интимный характер. Размер рун большинства памятников рунического письма на Алтае составляет в среднем 2–3 см. Это говорит о таком немаловажном факте, как широкая грамотность населения Алтая того времени: эти надписи не писали хорошо подготовленные резчики по камню и составители эпиграфий для тюркской аристократии, а простые люди, не обремененные высокими титулами и званиями [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012:17]. О том, что в древнетюркской эпохе руническая письменность имела широкое распространение, и ею владел значительный круг людей, писали С.Г. Кляшторный [Кляшторный, 1973:262], Д.М. Насилов [Насилов, 1976:84] и другие ученые.

Знаки-руны наносились и читались вертикально снизу вверх или горизонтально справа налево. Особенности носителя знаков объясняется характерная угловатая форма большинства букв, отсутствие между ними соединительных линий. Состав рунических знаков (всего их известно более 50) и их значения значительно различаются в зависимости от времени применения и локального варианта рунического письма [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012:24]. Есть знаки, обозначающие гласные, знаки, которые обозначают согласные звуки, а также ряд знаков, передающих сочетания согласного / согласных и гласного или двух согласных.

Проблема происхождения древнетюркской руники также остается нерешенным вопросом. В науке существует несколько различных точек зрения. Наиболее обоснованным считается согдийский вариант арамейской гипотезы. Он основан на близости форм ряда рунических и согдийских графем, которые по происхождению считаются арамейскими (переднеазиатскими). В.А. Лившиц установил, что прототипом для большинства рун послужило согдийское курсивное письмо и только небольшая их часть могла быть изобретенной [Лившиц, 1978:84-98]. Академик М.З. Закиева считает, что руническое письмо Орхон-Енисейских памятников является усовершенствованным про-

должением древнетюркского письма Глозельских надписей, этрусского письма и письма хорезмийцев [Закиев, 2005:56].

С проникновением и утверждением ислама на рубеже IX–X вв. в Поволжье утверждаются мусульманская культура и арабская письменность. Руническая письменность постепенно уходит в пассив, а рунические буквы, частично сохраняя свою семантику, становятся знаками иных систем – используются как тамги, гончарные клейма и торговые метки [Тенишев, 2006:168].

Совпадения некоторых знаков с тамгами отмечают многие исследователи. Такое сходство наблюдается между руническими буквами и родовыми тамгами башкир. Профессор Э.Ф. Ишбердин составил сравнительную таблицу рунического письма с башкирскими тамгами (*приложение № 7*). Некоторый анализ сходных символов проделан в работах Р.Б. Ахмерова. В частности, авторы выделяют такие общие знаки [Ишбердин, 1993:13]:

	койошкан – подхвостник		Х әүернә – крестовнина
	Һәнәк – вилы		Һуйыр аяк – нога глухаря

Проблема сходства, тем более связи между руническими буквами и родовыми тамгами башкир, остается открытой и актуальной, так как на территории Башкортостана зафиксировано довольно-таки большое количество памятников истории с своеобразными знаками. Путешественники, этнографы и другие исследователи XVIII–XIX вв., описывая жизнь и быт башкир, непременно отмечали традицию их в том, что они везде и всюду тамгуют бортевые деревья, орудия труда и предметы домашнего обихода [Ахмеров, 1994:5]. Науке известны Язматаш (Писаные камни) на берегу озера Кандры, камни культового характера на берегу озера Асылыкуль (Казанлы таш, Заятулэк ташы), на горе Юрактау и многие другие. Информация о них, фотографии этих камней и начертания знаков представлены в записках историка-краеведа Р.Б. Ахмерова в его книге

«Наскальные знаки и этнонимы башкир» (Уфа: Китап, 1994:112 с.). Следует отметить, что наряду с тамгами, которые более или менее похожи или даже совпали с родовыми тамгами башкир, на этих камнях, скалах зафиксированы также другие знаки. Так на скале «Сәүкә мороно» (Мыс галки), что находится в Давлекановском районе РБ, кроме тамг имеются более или менее стройные строчки, выражающие какие-то мысли или сообщения, но смытые и уничтоженные временем. Едва ли может быть случайностью то, что в одном месте группы знаков поставлены рядом и на одном уровне. К такой мысли приходит Р.Б. Ахмеров и приводит одну из строчек [Ахмеров, 1994:27].

Ф І:І Л О В Г Р Н А К И Н : У В И Z

Автор пишет, что расшифровать содержание надписи он не берется. Подытожив общий обзор наскальных камней, Р.Б. Ахмеров делает вывод, что уже в VIII–IX вв. у местных племен, т.е. предков башкир, были группы знаков, означающие какие-то события, явления и представления об окружающем мире [Ахмеров, 1994:28].

В вышеназванной книге представлена статья об известняковой плите с тамгами из Чекмагушевского района РБ, которая была найдена в 1950 г. известным краеведом Г.К. Воробьевым на берегу р. Калмаш вблизи деревни Старо-Калмаш. Интересное сообщение об этом камне было сделано профессором Э.Ф. Ишбердиным в журнале «Советская тюркология» (1980 г., № 2). Сначала плита хранилась в школьном музее с. Чекмагуш, а потом была передана в археологический музей Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Памятник представляет собой плиту из серого песчаника высотой 89 см, шириной 45–50 см и толщиной 10–12 см. Часть плиты откололась, имеются большие повреждения и по краям излома. Надпись глубиной 3–4 мм выполнена арабским шрифтом на лицевой стороне камня. Графическое воспроизведение нижнего слоя знаков на могильной плите, сделанное профессором Э.Ф. Ишбердиным, приведено в настоящей работе (*приложение № 8*).

Сохранившаяся запись на арабской графике, транскрипция и перевод текста на русский язык представлены в статье Э.Ф. Ишбердина «Камень с «загадочными» знаками» [Ишбердин, 1980:64]. Поверх текста на арабском нанесены знаки. По мнению Р.Г. Кузеева, большинство знаков напоминает башкирские родовые тамги, однако некоторые не имеют аналогов в тамговой системе башкир. В своем комментарии к этой статье известный ученый-языковед С.Г. Кляшторный высказывает мнение, что эти знаки являются семейными тамгами нескольких родовых групп, участвовавших, возможно, в похоронах знатного родоплеменного вождя. Нижний (первый) слой знаков нанесен одновременно с изготовлением намогильной стелы. Второй слой (арабографическая надпись) появился при повторном использовании стелы как намогильного памятника, то есть при перемещении ее на другое погребение, так как новая надпись наносилась с совершенным игнорированием знаков нижнего слоя. Время изготовления плиты не установлено, но верхний предел (XIV в.) определяется датой, имеющейся в арабографической надписи.

Р.Б. Ахмеров сделал попытку сгруппировать сохранившиеся знаки приблизительно по типам и сравнил их с аналогичными тамгами башкир других районов (*приложение № 9*).

Интересен тот факт, что практически все камни, скалы эти считаются святым местом, где совершали молитву. Так, к камню «Килен ташы», который находится в д. Ташлы Альшеевского района, приходили невесты, молодцы, снохи, пожилые женщины и обездоленные старушки, чтобы рассказать о своей судьбе, поделиться заботой, печалью и мечтой, просили заступничества, помощи и удачи в жизни, приносили в жертву монеты, бляхи или прядь волос с головы. Изучив достаточно большое количество памятников, найденных на территории современного Башкортостана, автор книги «Наскальные знаки и этнонимы башкир» Р.Б. Ахмеров приходит к выводу, что у каждой башкирской деревни были свои горы, скалы и рощи, своего рода молельные «олимпы» на горах, где они оставляли

свои родовые или семейные знаки – тамги [Ахмеров, 1994:44]. При этом следует отметить, что эти знаки имели смысловое значение, и, несмотря на недоказанность прямой связи между ними и руническими знаками, последнее нельзя и отрицать.

Таким образом, древнетюркское руническое письмо, которым пользовались долгое время практически все тюркские племена, хранит в себе еще много тайнств. Более того, не все памятники известны науке: на огромной территории от Западной Сибири до Восточной Европы и в Закавказье по сей день встречаются многочисленные исторические памятники с надписями на тюркском алфавите. Различные виды надписей, выбитые на камне, надписи на керамике, наскальные просветительские надписи и т.д. позволяют сказать о весьма широком для кочевой культуры тюрков распространении письменности.

УЙГУРСКОЕ ПИСЬМО

Следующая письменность, которой пользовались тюркские народы – это уйгурское письмо (VII–XII вв.) [Мусаев, 1993:16]. Оно создано на основе согдийского письма в конце I тысячелетия: древнейшие памятники относят к этому периоду. Наиболее раннее произведение, написанное на уйгурском языке уйгурским письмом «Хуастуанифт» – «Покаянная молитва манихейцев» была датирована советским ученым С.Е. Маловым около V в. н.э. Известным литературным памятником на этом языке является «Алтун ярук» – памятник древнеуйгурской письменности. Рукопись выполнена уйгурским шрифтом.

Уйгурскими буквами писали сверху вниз, нанизывая буквы на вертикальную черту и располагая строки слева направо. Уйгурский алфавит состоял из 20 букв, включая 5 гласных и 15 согласных. 3 из 5 гласных обозначали по 2 звука, таким образом, гласные графемы передавали 8 гласных звуков. Также 3 согласных графемы передавали по 2 звука (*n-б, г-к, д-т*) [Ахмеров, 1972:27]. Значит, 15 согласных букв передавали 20 согласных звуков. Таким образом, алфавит, состоящий из 20 графем, пере-

давал до 30 фонем. Как и в согдийском алфавите, форма большинства букв в уйгурском письме зависела от позиции в слове (начальная, средняя и конечная формы). Для этой системы письма характерна орнаментальность графики, а также разное начертание букв в зависимости от их места в слове.

Башкиры также пользовались уйгурским письмом, т.к. ханские ярлыки и другие документы в Золотой Орде писались уйгурскими или арабскими буквами, но во время Тохтамышша (хана Золотой Орды в 1380-1395 гг.) писали уже почти исключительно на тюркском языке на арабской графике [Григорьев, 1977:82-85].

Рассматривая формирование старых литературных языков тюркоязычных племен и народностей, помимо остальных, отличаются древнеуйгурский и караханидско-уйгурский литературные языки [Тенишев, 2011:170]. Древнеуйгурский литературный язык сложился на территории Турфана и Ганьчжоу на почве рунического койне с огузо-уйгурской основой, к которой добавились национальные, собственно уйгурские, элементы всех языковых уровней: фонетического, грамматического, лексического. Кроме рунического алфавита, который употреблялся только на первых порах, уйгуры пользовались согдийским письмом и его адаптированным вариантом, называемым уйгурским, манихейским письмом и брахми. Литературный язык древних уйгуров обладал развитой жанрово-стилевой системой, включающей стили религиозной (философско-дидактической) литературы (шаманские, буддийские, манихейские, христианские трактаты), художественной литературы (прозаического и поэтического жанров), научных произведений (медицинского, астрономического характера), деловых документов (правового, хозяйственного содержания) и частной переписки. Несмотря на широкое общественное употребление, древнеуйгурский литературный язык был только языком письменного общения.

Караханидско-уйгурский (хаканский, буграханский) литературный язык сформировался на территории караханидского

государства с центром в Кашгаре, западные границы которого доходили до Самарканда и Бухары. От караханидского периода сохранились выполненные арабским письмом поэма мусульманского содержания «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунлы, «Атабат ал-хакаик» Ахмада Югнаки, «Диван лугат ат-тюрок» Махмуда Кашгари и комментарии (тефсиры) к Корану. Жанр поэзии представлен более полно, чем жанр прозы. Академик Э.Р. Тенишев особо выделяет научный трактат о тюркских языках Махмуда Кашгари ввиду неоднородности приводимого им материала: наряду с образцами поэзии на литературном языке встречаются примеры с диалектными характеристиками. В процессе формирования язык указанных произведений впитал в себя огузо-уйгурскую основу престижного древнеуйгурского литературного языка, на которую наслоились местно-национальные элементы всех уровней. Традиционная основа воспринималась как уйгурская. Уйгурское влияние продолжалось сказываться и на внешней стороне функционирования языка – употреблении вместе с арабским и уйгурского алфавита [Тенишев, 1997:35-36].

С XI–XII вв. уйгурами начал активно использоваться модифицированный («чагатайский») вариант арабского алфавита, и к XVI в. уйгурское письмо было окончательно вытеснено арабским. Последние документы датируются XVIII веком, а этническая группа желтых уйгуров (сарыг-уйгуры) использовала вертикальное письмо вплоть до XIX в.

Уйгурское письмо было заимствовано монголами, приспособившими его к особенностям фонетики монгольского языка; в автономном районе Внутренняя Монголия оно сохранилось до наших дней.

ПИСЬМО, ОСНОВАННОЕ НА АРАБСКОЙ ГРАФИКЕ

СТАРОТЮРКСКИЙ ЯЗЫК

Арабское письмо начало формироваться на основе набатейского еще в домусульманский период. Первые надписи (забадская, харанская и др.), выполненные арабским письмом, относятся к VI в. н.э. [Истрин, 1965:326].

После принятия арабами ислама (VII в.) возникают две основные графические разновидности арабского письма – куфическое (от названия города Куфа) и несхи (в переводе с арабского – копирование). Куфический почерк считался обязательным для Корана, почерк несхи применялся главным образом для литературных и научных текстов.

Наряду с созданием одной из наиболее распространенных в мире письменных систем и с развитием искусства каллиграфии арабы внесли в историю письма еще два крупнейших вклада. Во-первых, через арабов народы мира переняли систему цифр, созданную в Индии, но известную под именем арабских цифр. Во-вторых, благодаря посредничеству арабов получила распространение в западных странах бумага. Если в Европе бумагу научились изготавливать лишь в XIII в., то в Багдаде ее применяли уже в VIII в., а в XII в. в Марокко работало до 400 бумажных мельниц. По-видимому, от арабов пришло в Европу и книгопечатание с резных деревянных досок [Истрин, 1965:330].

Важнейшая особенность арабского языка – многочисленность согласных фонем – около тридцати. В древнейшем арабском алфавите имелось всего 22 согласные буквы. В результате упрощения начертаний графемы некоторые арабские буквы совпали и общее количество сократилось до 17. После принятия ислама, чтобы обеспечить точное чтение Корана, для дифференциации значения согласных букв начали применяться подстрочные и надстрочные диакритические точки от одной до трех. В результате количество букв в арабском алфавите было увеличено до 28. Гласные же буквы первоначально не обозначали. Первыми стали указываться долгие гласные: ا و ي !

Если в арабском языке имеются всего три гласных фонем, которым в арабском алфавите отведено три буквы, то в тюркских языках народов России, использовавших, арабскую графику, до десяти гласных фонем, которые следовало как-то изобразить на письме. Для передачи нескольких гласных приходилось применять одну букву с разными диакритическими знаками [Мусаев, 1993:23].

После принятия ислама, которое началось в 922 году и продолжалось в течение нескольких столетий, тюркские народы, в том числе и башкиры, начали пользоваться арабской письменностью.

Широкое распространение арабской письменности стало важным достижением национальной культуры башкирского народа XIV–XVI вв., об этом говорит повсеместное возведение каменных надмогильных камней с надписями с отрывками из Корана и информацией об умерших [Мажитов, Султанова, 2009:475]. Обучение арабской графике велось в медресе, а писали на камнях, деревянных досках, коже и бересте. О том, что береста выполняла роль бумаги, говорит сохранившаяся до сих пор народная поговорка «тузга язмағанды һөйләмә» – «не говори о том, что не написано на бересте».

Древнейшим памятником арабского письма являются «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуны (1069–1070 гг.) и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари (1072–1083 гг.).

На основе арабской письменности образовался так называемый старотюркский письменно-литературный язык, который был общим для основных тюркоязычных племен и народностей.

Старотюркский язык – это искусственно созданный язык. Он не является национальным языком какого-либо народа. Как общий литературный язык функционировал в X–XIV вв. в так называемую среднетюркскую эпоху. Исследователи считают, что в формировании этого языка большую роль сыграл хорезмско-тюркский язык, имевший более развитую письменную традицию [Тенишев, 1986:268-275].

Поскольку литературный «тюрки» обслуживал локально разобщенный контингент тюркоязычных народов, он выступал в нескольких локально-временных вариантах, один из которых известен под названием «тюрки Урало-Поволжья» (Урал-Волга төркие). Это письменно-литературный язык, которым пользовались башкиры с XIII в. до нач. XX в.

Классическим памятником этого языка является поэма Кул Гали «Кисса-и Йусуф», известного в многочисленных рукописных вариантах среди башкирских и поволжских татар [Мажитов, Султанова, 2009:422]. Согласно шежере, Кул Гали является выходцем из среды айлинских башкир. Примерные годы жизни Кул Гали приходятся на 1174–1248 гг.

Тюрки Урало-Поволжья развился на основе письменной формы общебулгарского наддиалектного койнэ, на который воздействовали традиции караханидско-уйгурского и золотоордынско-хорезмского литературного языков. Как было сказано выше, он выступал в качестве письменного и не был языком устного общения. Следует отметить, что это письмо не в полной мере отражало фонетические черты башкирского языка, но обслуживало социальные потребности башкир и сыграло большую роль в истории их культуры. В этом письме имелись специальные буквы для обозначения башкирских специфических звуков: h – ه , ç – چ , з – ظ , ذ , хотя они употреблялись только в арабских словах. Ученые отмечают, что тюрки Урало-Поволжья оказал большое влияние на формирование современного башкирского литературного языка [Ишбердин, 1993: 175-185].

После присоединения Башкирии к Русскому государству (1557 г.) язык тюрки был признан официально письменным языком башкир. На этом языке составлены летописи – шежере, договоры, письма и художественные произведения, например, «Письмо башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе князю Волконскому» (16 ноября 1663 г.), «Ярлык султана Кучука башкирскому пятидесятнику Татлы-баю» (нач. 1664 г.), письмо-шакият царю Петру I (1706 г.) и письмо вождя башкирского

восстания 1755 г. Батырши императрице Елизавете Петровне, манифесты и указы Емельяна Пугачева в переводе на тюрки, распространенные во время Крестьянской войны 1773–1775 гг., возвания и приказы Салавата Юлаева, стихи башкирского поэта нач. XVIII в. Гаита Сибаяева и др. Для этих текстов характерно сближение языка тюрки Урало-Поволжья с народно-разговорным башкирским языком: в них много башкирских слов, собственных имен и топонимов, заимствований из русского [Языки Российской Федерации, 2001:175].

Письмо-прошение Батырши было составлено с 4 по 24 ноября 1756 г. в Москве. Оно написано на языке тюрки, дошло до нас в одном экземпляре, переписанном набело, и в семи черновых набросках, а также в переводах на русский язык. Переводы были сделаны для чиновников Сената и Тайной Канцелярии. Все варианты рукописи в нескольких списках хранятся в фондах ЦГАДА. Письмо состоит в общей сложности из 140–150 страниц, представляет собой значительный историко-литературный памятник середины XVIII в. Оно, несомненно, является ценным источником по истории и культуре башкирского и татарского народов. Документ содержит ценные сведения по истории литературного языка тюрки середины XVIII в., которым пользовались башкиры. По нему можно проследить за развитием лексики башкирского языка, особенно терминологии по истории, социологии, экономике, философии и другим отраслям науки. Памятник дает богатый материал и для выяснения соотношения народного и литературного языка, для изучения лексики и грамматического строя.

Песни и стихи Салавата Юлаева в подлинниках не сохранились, имеется лишь его личная подпись на Пугачевском манифесте, написанном на татарском языке. Сохранились отдельные его стихотворения в подстрочном переводе на русский язык. В труде Р.Г. Игнатъева «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор», написанном в 1975 г. приведены семь стихотворений С. Юлаева. Перевод был сделан еще в 1868 г. покойным Г. Давлетшиным. До перевода на

русский язык эти стихи – «О, Урал мой благодатный!, «Тихой ночью в перелеске», «Я пустил стрелу высоко», «Было время, время храбрых», «Высоко летает ворон», «Зюлейха, земная ты Гурия», «Родные рощи и леса» – сохранились в рукописной форме, на языке «тюрки», т.е. на том языке, на котором были написаны приказы, воззвания Салавата к народу, и переходили из рук в руки в новых списках. Дальнейшая судьба рукописей неизвестна. Нет никаких известий и о том, когда, впервые, кем и из каких источников были записаны эти стихи. В настоящее время в творческом наследии Салавата Юлаева известны порядка 500 поэтических строк, которые восстановлены из фольклорного фонда.

Большинство письменных памятников Башкортостана XVI – первой половины XIX в. также относятся к письменнo-литератуноmu языку тюрки Поволжья и Урала [Галяутдинов, 1982:40].

В рукописном фонде ИИЯЛ УНЦ РАН сосредоточено более 3000 рукописных и старопечатных книг, которые классифицируются как памятники литературные (художественные произведения и труды по теории литературы), лингвистические (грамматика, лексикография, стилистика), фольклорные, исторические, философские, юридические, географические, астрономические, медицинские, религиозно-богославские (корановедение, хадисы, шариат, ритуал, суфизм и т.д.) и др. К литературным памятникам относятся поэма «Кисса-и Йусуф» (1212/1213 гг.), дастаны «Кисекбаш» (XIII–XIV вв.), «Дастан-у солтан-и Джумджума» (XIV в.), Хусам Катиба (был жив в 1369/1370 гг.), «Кысасу-л-Энбийя» Насиратдина Рабгузи (XIV в.), «Кисса-и Сайфу-л-Мулук» (1552/1553 гг.), Маджлиси (был жив в 1688 г.), «Хикметы» Мавля Кулуя (XVII в.), рукописные произведения дореволюционных поэтов У. Имяни (1754–1834), Т. Ялсыгулова (1767–1838), А. Каргалы (1784–1824), Х. Салихова (1794–1867), Ш. Заки (1825–1865), Г. Сокрыя (1826–1889), М. Акмуллы (1831–1895) и др. [Галяутдинов, 1982:33].

По данным историков Н.А. Мажитова, А.Н. Султановой, у башкир в XIV–XVI вв. существовала официальная письменная документация [Мажитов, Султанова, 2009:477-478]. Об этом свидетельствуют данные шежере. Так, в юрматинской шежере говорится, что в 1557–1558 гг., после возвращения предводителя Татигач-бия из Казани, где произошло официальное признание власти российского государя, башкиры решили, «и чтобы каждому из нас, родам, родичам нашим быть мирного нрава, давайте вместе напишем письменные условия» [Башкирские родословные, 2002:58]; «О нашем разделе сих земель мы написали и закрепили в московской книге» [Башкирские родословные, 2002:59], «рассказы и прошлое <наших> предков мулле Бакью я (*Татигач-бий* – Х.Л.) велел записать и передал Ильчиктимеру и Кармышу» [Башкирские родословные, 2002:60]. Аналогичные записи вскоре после вхождения в состав России появились в шежере минских, бурзянских, кыпчакских, усерганских, тамьянских башкир.

Башкирские шежере (родословные) написаны на письменном языке тюрков, хотя первоначально они бытовали в устной форме. В XV–XVI вв. и позднее, когда шежере многих родоплеменных групп башкир стали слишком громоздкими, чтобы удержаться целиком, без искажений в памяти отдельных людей, их стали записывать. XV–XVI вв. – дата, конечно, примерная. Более точно определить время превращения шежере в письменные документы ученым пока не удалось. Науке известны лишь два свидетельства о записи шежере в XVI в. Шежере племени Юрматы было написано под диктовку бия Татигача муллой Бакыем. Татигач-бий умер в 972 г. хиджры, или в 1564–1565 гг. христианского летоисчисления. Следовательно, в середине XVI в. шежере уже записывались. Однако по тексту шежере юрматынцев, по содержащимся в нем сведениям можно предполагать, что Татигач-бий, диктуя Бакью содержание летописи, не только рассчитывал на свою память, но и пользовался другими, более ранними письменными источниками. Вероятно, шежере, хотя и редко, записывались и раньше,

в начале XVI в. или даже в XV в. Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что шежере как в XVI в., так и в последующие века записывались муллами. Это дает основание говорить о том, что превращение некогда устных родословных в письменные документы было связано с укреплением мусульманской религии в Башкирии и распространением арабской письменности, т.е. с XV–XVI вв. [Галяутдинов, 2000:123]

Таким образом, процесс превращения башкирских шежере в письменные документы был довольно длительным. До наших дней шежере дошли в копиях XVIII–XIX вв., и только в ряде случаев – в более ранних списках. Как и любой другой исторический памятник, шежере испытывали на себе губительное влияние истории. Особенно тяжким испытаниям башкирские родословные подвергались в первые десятилетия советской власти. По рассказам пожилых людей, в тридцатые годы арабографичные рукописи и старопечатные книги сотнями и тысячами вывозились из деревень и сжигались. Некоторые успевали закапывать духовное наследие предков глубоко в землю или опускать на дно рек и озер. Таким образом, вместе со старинными рукописями и печатными книгами были сведены на нет сотни древних родословных записей. Тем не менее, благодаря счастливым случайностям, до наших дней дошли более 100 текстов шежере, которые в настоящее время хранятся в Научном архиве Уфимского научного центра РАН, фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы, Национальной библиотеке РБ им. А.-З. Валиди и рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН [Галяутдинов, 2000:124], а также в частных коллекциях.

Исследователь башкирских шежере академик Р.Г. Кузеев подготовил и издал в 1960 г. книгу «Башкирские шежере», в которой было опубликовано 10 шежере, и только два из них – полностью. В 2002 г. увидело свет новое издание «Башкирские родословные», где представлено 27 шежере. Как говорится в предисловии, второе издание планировалось выпустить в че-

тырех частях, каждая из которой должна была открываться развернутым историко-этнографическим введением, состоять из транслитерации текстов, переводов их на башкирский и русский языки с предшествующими пояснениями и постраничными примечаниями, сопровождаемыми подробными историческими, этнологическими и реальными комментариями и заканчиваться литературой о башкирских родословных и смежных темах с приложением факсимиле (электронных воспроизведений документов в натуральную величину) [Башкирские родословные, 2002:21-22]. Отсутствие транслитерации и факсимиле документов не позволяет давать их языковую характеристику, обсуждать языковые особенности и детали перевода, а также описки и орфографические приемы разных переписчиков. Документы смешанной текстово-схематической формы, написаны в основном по-тюркски, некоторые по-арабски, встречаются заимствования из русского языка.

Профессор И.Г. Галяутдинов провел лингвистический анализ шежере, показал активный процесс слияния книжного литературного языка с живой народной речью и языком фольклора, что свидетельствует о дальнейшей демократизации тюрки Урало-Поволжья [Галяутдинов, 2000:134].

На рубеже XIX–XX вв. башкиры пользовались возникшим на тюрки Урало-Поволжья старотатарским письменным языком, основанном на арабской графике [Письменные языки мира, 2000:72].

После победы Октябрьской революции башкиры продолжали пользоваться арабской графикой, и в 1924 г. на этой же основе было создано первое башкирское письмо на национальном языке башкир, известное в науке под названием *искалеп* (приложение № 12). Первый проект алфавита и орфография под названием «Хәреф вә имлә лаихәһе» составлен С. Рамиевым [Ахмеров, 1972:46]. В декабре 1923 г. он был принят с дополнениями орфографической комиссией и в 1924 г. напечатан в журнале «Яңы юл». Башкирский алфавит на арабской графике состоял из 33 букв, 27 из которых обозначали согласные

звуки, б – гласные звуки. По поручению Научного центра при Наркомпросе Башкортостана Н. Тагировым и Х. Габитовым было составлено «Руководство по башкирскому письму», которое было выпущено издательством «Башкнига» (Уфа, 1924). Это пособие предназначено для учителей башкирского языка, журналистов, писателей и переводчиков. Составители ставили своей целью определение основных правил башкирского литературного языка для дальнейшей разработки его грамматики. В этом пособии дана универсальная по характеру информация по фонетике, орфографии, морфологии вновь формирующегося башкирского литературного языка [Рязяпов, 2004:19].

Первый номер газеты «Башкортостан», ранее издававшейся на татарском языке, на первом национальном башкирском языке (искэлеп) вышел в августе 1924 г. Этим письмом башкиры пользовались до 1929 г., т.е. до перехода на латиницу.

ЛАТИНСКОЕ ПИСЬМО

Латинское письмо, которым пользовались древние римляне, сохранилось у большинства народов Западной Европы, оно легло в основу письменностей многих языков мира. Существуют две гипотезы происхождения латинского алфавита. По одной гипотезе, латинский язык заимствовал алфавитное письмо из греческого напрямую, по другой версии, своеобразным посредником в этом оказался этрусский алфавит. В том и в другом случае основой латинского алфавита является западногреческий (южноиталийский) вариант греческого алфавита [Истрин, 1965:370]. Древнейшие надписи, выполненные латиницей, относятся к VI в. до н.э. На латинском письме сохранился до наших дней известный словарь кыпчакского (куманского или половецкого) языка – Кодекс Куманикус, составленный итальянскими и немецкими миссионерами в XIII в. в Крыму.

Латинский алфавит первоначально включал только 21 букву. Буква z была исключена из алфавита в 312 г. до н. э. (позже её восстановили). Буква c использовалась для обозначения

звуков [k] и [g]; в 234 г. до н. э. была создана отдельная буква **G** путем добавления к **C** поперечной черточки. В I в. до н. э. были добавлены буквы **y** и **z** для записи слов, заимствованных из греческого языка. Таким образом, со II-I вв. до н.э. и в течение всей античной эпохи латинский алфавит состоит из 23 букв.

Как известно из истории Отечества, в 1920–1930-х гг. проводится кампания по переводу письменностей народов СССР на латиницу. Латинизацию начали с языков, которые использовали на письме буквы арабского алфавита. Первыми перешли в Азербайджане и на Северном Кавказе (Ингушетия, Северная Осетия и Кабарда) в 1921 г. В марте 1926 г. в Баку состоялся первый тюркологический съезд, на котором представители тюркских народов при участии ученых-тюркологов из Ленинграда и Москвы приняли решение о желательности применения опыта Азербайджана по латинизации в других республиках и автономных областях СССР. Для руководства этой работой был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). 1-й пленум ВЦК НТА, прошедший в Баку в 1927 г., принял проект унифицированного нового тюркского алфавита из 34 букв (*Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Əə, Ff, Gg, Ğğ, Hh, İi, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Nŋ, Oo, Öö, Pp, Qq, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Vv, Xx, Yy, Zz, Zz, Bb*). По мере надобности разрешалось использовать добавочные знаки к ним для отдельных языков. На его основе был создан новый алфавит башкирского языка (*приложение № 14*), известный в науке под названием «яңәлеп». Он содержит 36 букв, 26 из которых обозначают согласные звуки, 10 – гласные. Имеется еще 37-я графема – апостроф, которая предназначена для обозначения гамзы (хәмзә). Для обозначения башкирских специфических звуков (*ә, ө, к, җ, ҫ, ҙ, һ, ү, ң*) предложены отдельные буквы. Более того, первоначально отличались *ж* и *жс*, от последнего позже (в 1934 г.) отказались [Ахмеров, 1972:64-73]. Этим алфавитом башкиры пользовались до 1940 г.

В настоящее время латинский алфавит знаком почти всем людям Земли, поскольку изучается всеми школьниками либо

на уроках математики, либо на уроках иностранного языка, и вполне обоснованно его называют «алфавитом международного общения». Латинские буквы используются в транскрипции (*приложение № 15*). Международные телеграммы всегда пишутся латиницей; в электронной почте и на веб-форумах также часто можно встретить запись русского языка латиницей из-за отсутствия поддержки кириллицы или из-за несовпадения кодировок. Латинские буквы широко используются в медицине. На латинском алфавите основано большинство искусственных языков, в частности, эсперанто, интерлингва, идо и другие. Во всех компьютерах установлена латиница. Возможно этим и объясняется выступление языковедов о целесообразности возрождения латинского письма для тех народов Российской Федерации, которые пользовались им раньше.

СОВРЕМЕННОЕ БАШКИРСКОЕ ПИСЬМО НА КИРИЛЛИЦЕ

Для создания национального башкирского письма использовать русский алфавит предлагалось еще в конце XIX – начале XX вв. русскими учеными и башкирской национальной интеллигенцией. Такие исследователи, как Р.Г. Игнатьев, В.В. Катаринский, А.Г. Бессонов, М.В. Лоссиевский, С.Г. Рыбаков, М.А. Кулаев и др. собирали образцы башкирского народного творчества, пользуясь при этом русской графикой. Но кириллица не могла в полной мере отразить при письме специфические башкирские звуки. Видимо поэтому возникает необходимость составления алифбы на основе русского алфавита. Первый такой букварь для башкир был издан в Оренбурге в 1892 г., второе его издание вышло в 1898 г. Следует отметить, что в обоих из них не указан автор. Профессора Н.К. Дмитриев и Дж.Г. Киекбаев высказали мнение о возможной принадлежности первого букваря В.В. Катаринскому, которому активно помогал учитель Серменовской русско-башкирской школы Мухаммед-Галим Куватов [Галяутдинов, 2000:102]. Более пол-

ная информация об азбуках для башкир представлена в 3-й главе данной работы.

Переход башкир к кириллице произошел в 1940–1941 гг., когда практически все национальные республики бывшего Советского Союза начали создавать алфавиты на основе русского алфавита. По данным К.М. Мусаева, в настоящее время алфавиты на славяно-русской графической основе составляют подавляющее большинство – ими пользуются более 90 % населения данного региона [Мусаев, 1993:43–45].

Славяно-русский алфавит восходит к славянской письменности, созданной братьями Кириллом и Мефодием. Ее прототипом был греческий алфавит IX в.н.э. Из 43 букв кириллицы 24, несомненно, заимствованы из византийского уставного письма с сохранением их графической формы. Остальные 19 букв отсутствовали в византийском письме и были введены для передачи особых звуков славянской речи.

Современный русский алфавит значительно отличается от кириллицы. В нем имеется 33 буквы. Речь передается словами, отделенными пробелами. Слова пишутся буквами алфавита, причем буква следует за буквой согласно их последовательности в произношении. Кроме букв имеется несколько знаков препинания, а также специальные знаки (логограммы) для математических, химических и других терминов. Буквосочетания и морфемы обслуживаются теми же знаками алфавита. Например, приставка *рас-* в слове *распад* пишется так же, как созвучное ей буквосочетание *рас* в слове *растение*. В письме применяются некоторые необязательные сокращения, построенные из начальных букв. Имеются прописные (заглавные) буквы, удобно выделяющие начало фразы или имена собственные. Такая конструкция допускает простое и точное написание каждого слова языка. Написанный текст может быть точно и быстро прочтен самим пишущим или посторонним лицом, знающим язык.

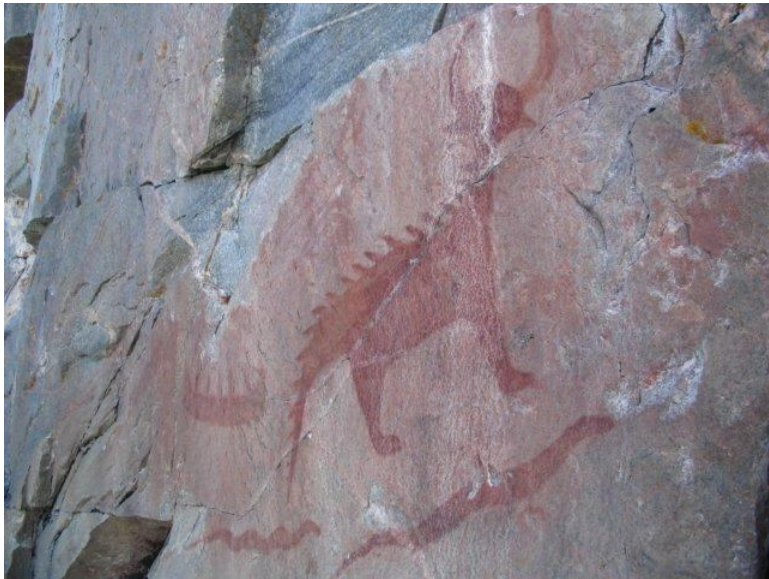
Рисунки пещеры Шульган-таш

**Рисунки Мурадымовской пещеры –
стилизованные фигуры человека**

Рисунки Игнатьевской пещеры

Приложение № 4

Полотенца из коллекции С. Нуриджановой

Простота конструкции осложняется, по крайней мере в процессе обучения, тем, что приходится запоминать четыре варианта каждой буквы: два печатных (строчной и прописной) и два «рукописных». В сумме имеется 132 знака для 33 букв [Соколов, 1989:19-20].

Известный тюрколог К.М. Мусаев, изучив современные алфавиты, основанные на русской графике, выделяет следующие способы передачи специфических фонем национального языка:

1. Использование русской буквы, которая несет и другую функциональную нагрузку, например узбекская **о**, казахская **ы** и т.д.

2. Снабжение русской буквы слитными диакритическими знаками – черточкой, петлей, сиделем и т.д.: **ғ, ң, к, ь**.

3. Использование отдельных надбуквенных диакритических значков, апострофа: **ӧ, ӱ, ӓ** и др.

4. Переворачивание букв: **ә, Ӈ**.

5. Комбинация нескольких букв: **кь, кхьу, ццц** и т.д.

6. Введение знаков из алфавитов другой графической основы, чаще всего латинской: **h, j** и т.д.

7. Изобретение новых букв, что менее распространено, например абхазская **ӡ**. В абхазском языке существуют и другие способы создания букв: слияние букв (лигатуры) (**т+ц**), использование знака **з** (знак, принятый Международной фонетической ассоциацией).

Из перечисленных способов наиболее удобными являются второй, четвертый и шестой и именно их необходимо использовать для создания дополнительных знаков-букв [Мусаев, 1965:66].

Для создания башкирского алфавита использованы все 33 буквы русского алфавита (*приложение № 16*), которые дополнены графемами для обозначения башкирских специфических звуков: *ә, ө, к, ғ, ҙ, һ, ҫ, ң*. Таким образом, современный башкирский алфавит состоит из 42 букв. Следует отметить, что они не все участвуют в написании башкирских слов. Так, бук-

вы *ё, ы, ш, ч* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка в соответствии с нормами русской орфографии, правда, последняя встречается и в диалектах башкирского языка.

Буквами¹ *а, д, з, ж, з, и, й, к, к, л, м, н, ң, п, р, с, с, т, ф, х, һ, ч, ш, э* обозначаются строго определенные отдельные фонемы (в этом случае в основе правописания лежит последовательно проводимый фонологический принцип). Буквы *б, г, ғ* также соотносятся с определенными фонемами: *бабай* 'дед', *гәл* 'цветы (комнатные)', *ағас* 'дерево'. Но они используются и для обозначения звонких аллофонов соответствующих конечных корневых глухих согласных: *шәп* 'хорошо, быстро' – *шәб-ерәк* 'лучше, быстрее', *түк-* 'вылить' – *түг-ел-* 'вылиться', *ак* 'белый' – *ағ-ырак* 'белее'. Отражая, таким образом, фонетическое совпадение фонемы с аллофоном другой фонемы, правописание в данном случае строится на чисто фонетическом принципе – за буквой в конечном итоге оказывается закрепленным определенный звук, а не фонема. Буква оказывается однозначной лишь на фонетическом уровне и двузначной на фонологическом [Грамматика, 1981:72].

Имеются в алфавите буквы, обозначающие две разные фонемы, но отнюдь не совпадающие также на фонетическом уровне: *в, е, о, у, э, ы, ю, я*.

Несколько значений имеет буква *в*: в анлауте исконно башкирских слов обозначает губно-губной среднеязычный веллярный (*вак* 'мелкий') или палатальный (*вағғәҙә* 'обещание') сонант, передаваемый в других позициях соответственно буквами *у* и *ү* (*кауын* 'дыня', *кеүек* 'подобно, похоже', *арыу* 'сносный', *неплохой', килеү* 'приход, прибытие'), а в заимствованиях соответствует русской *в* (*вагон, Волга*) [Грамматика, 1981:72-73].

Буква *е* в анлауте исконно башкирских слов обозначает йотированное сочетание *й+е* (*ел* 'ветер'), в остальных позици-

¹ Прим. При характеристике букв башкирского алфавита использована «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981 : 72-73).

ях – полуузкий передний неогубленный краткий гласный (*кеше 'человек'*), передаваемый в анлауте буквой э (*эш 'работа'*), включая русские заимствования, где соответствует русской е (*кремль, орден*).

Графема э в анлауте исконно башкирских слов обозначает негубной полуузкий краткий гласный переднего ряда, который в середине и конце слова передается буквой е (*эре*), а в заимствованиях из русского языка сохраняет свое исконное значение (*экзамен, электр, электричество*).

Лабializedанная фонема о обозначает в исконно башкирских словах слабоогубленный полуширокий гласный заднего ряда (*оло 'большой'*), а в русских заимствованиях – русскую о (*колхоз, комсомол*). Следует отметить, что в орфоэпическом плане эти два звука сильно отличаются друг от друга, но в письме это явление никак не отражается. Буквами а, э, ы также приходится обозначать и башкирские, и русские звуки, которые отличаются друг от друга, например, в словах *атай 'отец'* – *атом, эш 'работа'* – *этаж, тын 'дыхание'* – *тыл*. Проявление акцента в речи русских, изучающих башкирский язык, объясняется этими фактами.

Буква у в интервокальном положении и в ауслауте после а, ы и о соответствует губно-губному среднеязычному велярному сонанту (*һауа 'воздух', азау теш 'коренной зуб', байы-богатеть', ос- 'летать'*), в остальных позициях обозначает полуузкий слабоогубленный гласный заднего ряда (*ут 'огонь', туң 'мерзлый'*) [Грамматика, 1981:73].

Переднеязычный вариант вышеназванной фонемы ү в интервокальном положении и в ауслауте после а, ө и е соответствует палатальному варианту губно-губного среднеязычного сонанта (*сеү 'тише, перестань', сеүэтә 'деревянная чаша'*), в остальных позициях обозначает слабоогубленный гласный переднего ряда (*үс 'месть', күз 'глаз'*).

Йотированная буква ю обозначает й+у (*юк 'нет'*) и употребляется как правило в анлауте исконно башкирских слов.

В заимствованиях из русского языка применяется в соответствии с русским правописанием (*июль, июнь, юбилей*).

Буква *я* обычно обозначает *й+а* (*ял 'грива', таяк 'палка', картаямын 'старею'*). Такое употребление сохранилось и в заимствованиях из русского языка.

Не однозначны по своему употреблению мягкий (*ь*) и твердый (*ъ*) знаки. Они выполняют три функции:

1) в заимствованиях из русского языка используются по своему исконному назначению в соответствии с нормами русского правописания: *'большевик, адъютант'*;

2) после конечного согласного первого компонента сложного слова перед йотированным гласным *я* второго его компонента выполняют разделительную функцию – отграничивают чаще всего сингармонически разные компоненты друг от друга: *алъяпкыс 'фартук', ашъяулык 'скатерть', кульязма 'рукопись', кёньяк 'юг', тёньяк 'север'*;

3) в арабизмах *тэьмин 'снабжение', тэьсир 'влияние', Мэьминэ (жен. имя), Мэьмунэ (жен. имя)* и отдельных словах звукоподражательного происхождения типа *маьмай 'собака'* (в языке детей), *мэьелдэ- 'блеять'* обозначают гортанную смычку-отступ (гамзу) после первого открытого слога, четко отграничивая его от последующего слога (например, *мэьээлэ 'задача, проблема'*, где такой смычки нет и мягкий знак применяется по старой орфографической традиции для графического выделения гамзы) [Грамматика, 1981:73].

Таким образом, в условиях развивающегося двуязычия и многоязычия, когда значительная часть нерусского населения страны в той или иной степени владеет русским языком, который всё больше становится вторым родным языком, создание алфавита на кириллической графической основе считается объективной необходимостью, ибо знающий один алфавит получает возможность читать на обоих языках без траты сил и времени на дополнительное обучение. Именно в этом заключается преимущество современных национальных алфавитов на кириллице.

ГЛАВА 3. АЗБУКИ ДЛЯ БАШКИР И АЛФАВИТЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННЫЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Первые азбуки, словари и многие национальные алфавиты, предложенные для башкирского языка, основывались на буквах кириллицы. Возможно это связано с тем, что башкирами, их языком, фольклором, бытом, культурой интересовались первоначально русские просветители, краеведы такие, как Р.Г. Игнатьев, В.В. Катаринский, А.Г. Бессонов, М.В. Лоссиевский, С.Г. Рыбаков, которые образцы башкирского народного творчества фиксировали, пользуясь русской графикой (кириллицей) [Галяутдинов, 2000:101]. Но и выходцы из башкир в своих исследованиях обращались к русскому алфавиту. Так, российский дипломат, переводчик М. Биксурин (Бекчурин) составляет рукописный словарь «Перевод слов на башкирский язык», датируемый 80-ми годами XVII в., в котором содержится 360 слов русского языка в переводе на башкирский, при этом переводы приводятся на русской и арабской графике [Ишбердин, 1986:11]. В 1869 г. в Казани он издает словарь «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана». В нем впервые даны систематизированные сведения о башкирской грамматике, сделан сравнительный анализ башкирских, татарских, казахских языков с арабским, персидским и русским. В конце учебника помещены небольшие словари этих языков, составленные по тематическому принципу. В качестве образца башкирского языка М. Биксурин приводит сказку «Батыр батша экиэте». Данное пособие является первым опытом сравнительно-сопоставительного изучения неродственных языков не только в башкирской лингвистике, но и во всей тюркологии.

По данным профессора А.Н. Кононова, первый «Словарь башкирского языка», который не дошел до нашего времени, был составлен немецким медиком, химиком, натуралистом, этногра-

фом, путешественником, профессором Иоганном Готлибом Георги [Кононов, 1982:256]. Его книга вышла в Санкт-Петербурге в 1776-1780 гг. на немецком языке под названием «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten» («Описание всех народов Российского государства, их быта, вероисповедания, обычаев, жилищ, одежды и остальных отличий»). Частично она была переведена на русский и вышла под заглавием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Эта работа была первым сводным этнографическим описанием России. Как отмечает А.Н. Конов, в работе «Описание» автор, в отличие от многих своих современников, четко определил место башкирского в семье «татарских» языков.

Далее рассмотрим некоторые буквари и словари башкирского языка более подробно, так как именно эти издания указываются и используются при изучении истории башкирского литературного языка и имеют определенное значение в истории башкирского письма.

БУКВАРЬ И СЛОВАРИ В.В. КАТАРИНСКОГО

Первый букварь для башкир вышел в свет в 1892 г. в Оренбурге и был переиздан в 1898 г. Следует отметить, что лишь в последнем букваре указан автор – русский просветитель, первый директор русско-башкирского училища В.В. Катаринский. Как было сказано выше, профессора Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев высказали возможную принадлежность первых изданий букваря также В.В. Катаринскому, что соответствует действительности [Галяутдинов, 2000:101-102].

Букварь, состоящий из 58 страниц, включает два раздела: башкирский и русский. В первом, башкирском разделе, дается алфавит в следующем порядке – *а, л, м, т, ш, у, р, с, н, к, о, ө, ы, й, б, г, д, з, н, я, ä, и, п, э, е, ү, ю, х, ф*. Такое расположение

букв не случайно. Учащиеся таким образом с самого начала изучения алфавита легко могут составлять слоги и слова: *ал, мал, талама*..... Хотя в алфавите представлена 31 графема, в самом букваре сказано, что для записи слов башкирского языка достаточно 29 букв [Букварь, 1892:18].

Второй, русский, раздел написан с целью обучения башкирских детей русскому языку, что считалось необходимым условием для всестороннего развития человека, знающего грамоту. В конце букваря представлены тексты для чтения поучительного характера, а также пословицы, поговорки и загадки.

Таким образом, «Букварь» В.В. Катаринского является первым опытом создания современной национальной башкирской письменности, и сегодня этот первый башкирский букварь предстает как памятник просветительским идеям, несущим свет и явившимся одним из источников образованности наших современников [Галаяутдинов, 2000:104].

В истории башкирского языкознания В.В. Катаринский известен и как пионер башкирской лексикографии: он – автор двух словарей – «Краткого русско-башкирского словаря» (1893 г.) и «Башкирско-русского словаря» (1899 г.), правда, первое издание вышло без указания автора. Исследователи-текстологи XX в., путем текстологического анализа вышеназванного букваря и двух словарей, пришли к выводу, что все издания, скорее всего, написаны одним автором. Действительно, общего между ними очень много [Галаяутдинов, 2000:102]. И букварь, и словари составлены на основе кириллицы, изданы в Оренбурге в типолитографии Б.А. Бреслина. Вводные слова автора схожи, примеры взяты из языка усерганских башкир. Есть и небольшая разница. Профессор И.Г. Галаяутдинов указывает на следующее: в букваре башкирский язык дается в сравнении с татарским, а в словаре – с киргизским (казахским); для обозначения звука *h* башкирского языка в букваре над буквой *z* ставится одна точка, а в словаре *z* дается курсивом; в букваре в конце вводного слова добавлено одно предложение, в

котором поясняется, что звуки «э, ө, у произносятся мягче а, о, у и тверже я, е, ю» [Галаяутдинов, 2000:102].

В.В. Катаринский довольно четко описал фонетические особенности башкирского языка, что, по его мнению, необходимо знать и учителю, и ученику для осознанного изучения языка. Теоретический материал представлен не только в «Букваре», но и в словарях. Вот небольшой пример из предисловия «Башкирско-русского словаря»: *«В словаре звуки башкирского языка изображаются русскими буквами с некоторыми необходимыми изменениями. Звуки башкирского языка имеют сходство со звуками татарского языка, но отличаются большей мягкостью. Между прочим:*

а) татарское ж в начале слова переходит в й: жан – йан;

б) звук с переходит в г: суу – гуу. Этот звук в башкирском языке произносится глухо, как бы выходит из гортани, не прикасаясь к частям рта (вроде хг, как бы с придыханием). В словаре он поставлен с точкой наверху в отличие от обычного в языке звука г: сал – ғал;

в) звуки з и с самостоятельные глухо свистящие: äз – мало;

г) звук н чисто носовой, средний между н и г;

д) звуки ä, ö, ü мягкая гласная, противоположная твердым а, о, у: ғал (положи) – ғайл (здоровье), булун (луг) – бұлун (плен)» [Катаринский, 1899:2].

Как пишет В.В. Катаринский, звуки башкирского языка даются в сравнении со звуками татарского языка, что, на наш взгляд, очень удачно. Башкирский и татарский языки, относящиеся к одной языковой подгруппе (кыпчако-булгарской подгруппе по классификации Н.А. Баскакова), имея много общих черт, различаются на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях.

Во вступительном слове «Башкирско-русского словаря» В.В. Катаринский выражает слова благодарности «башкиру Куватову»¹ за оказанную помощь при составлении словаря. Возможно, помощь им была оказана при написании и букваря.

¹ Куватов М.-Г. – учитель Серменовской русско-башкирской школы

В «Кратком русско-башкирском словаре» содержится около двух тысяч слов, распределенных как тематически, так и по частям речи, «Башкирско-русский словарь» включает в себя более 2500 статей. В настоящее время эти слова являются ценным материалом для изучения башкирской фонетики, лексики, в том числе и диалектологии.

АЛФАВИТ И БУКВАРЬ А.Г. БЕССОНОВА

«Букварь для башкир» А.Г. Бессонова, вышедший в свет в 1907 г. (*внутри книги указана другая дата – 1906 г. – Л.Х.*) в г. Казани считается вторым после букваря В.В. Катаринского. Изучение башкирского языка он начал раньше. Так, в 1881 г. он выступил со статье «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам», где привел довольно точную характеристику звукового состава, грамматического строя и лексики татарского и башкирского языков с их основными говорами [Кононов, 1982:257].

Букварь А.Г. Бессонова состоит из 46 страниц. Для записи образцов разговорной речи северо-восточных и юго-восточных башкир предложен алфавит из 35 букв (*приложение №10*). За его основу взят русский: представлены все буквы тогдашнего русского алфавита (кроме *ѣ, ѝ*), а также предложены дополнительные знаки *ä (ə), ö (ø), ŷ (ŷ), Һ (Һ), Һ (Һ), Һ (Һ), Һ (Һ)* (*в последних трех буквах снизу ставится одна точка – Л. Х.*).

Предложенный материал разделен на два раздела. Сначала представлена информация о башкирских звуках и буквах, а также тексты для чтения на башкирском и русском языках, здесь же даны образцы каллиграфического письма. Второй раздел состоит из упражнений, оформленные иллюстрациями животных, по которым даны задания. Здесь же представлена составленная автором сравнительная таблица башкирских и арабских букв, что имело огромное значение для изучающих новый алфавит на основе им знакомой уже арабской письменности.

А.Г. Бессонов большое значение придает воспитательной стороне обучения, о чем говорят такие тексты для чтения: «Добро и зло», «Приглашение в школу», «Утром», «Каһым түрә», «Ихсан старшина» и др. Будучи знатоком башкирского фольклора, он в качестве примера приводит пословицы и поговорки, многие из которых употребляются и поныне: «Керер ишегенде нык ялма», «Дәртем бар, дарманым юк», «Белер-белмәс һүззе һөйләмә», «Оятыһызың бите һанһыз» и др.

На страницах 43-46 автор дает подробную характеристику башкирским звукам. Заканчивается букварь призывом изучать на основе русской графики такой удивительно благозвучный, мелодичный и красивый башкирский язык.

После выхода «Букваря» А.Г. Бессонов готовит две книги для чтения и издает их в Казани. Изучив эти книги и остальное наследие А.Г. Бессонова, в середине XX в. профессор Дж.Г. Киекбаев по праву назовет его основоположником башкирской диалектологии. Подтверждением этого послужили те самые два букваря: «Первая после букваря книжка для чтения и практические первые уроки для северо-восточных башкир» (1906 г.) и «Первая после букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» (1908 г.). Как видно из названий учебников, А.Г. Бессонов четко выделял два диалекта в башкирском языке (северо-восточный и юго-восточный диалекты), хотя в «Букваре» есть указание и на третий диалект. Здесь они обозначены большими буквами Ю (южный диалект), С (северный диалект), К (китайский диалект – восточный диалект).

В примечании ко 2-му изданию книги «Первая после букваря книга юго-восточных башкир» автор пишет следующее. «Обе эти книжки – первая после букваря книга для чтения и практические первоначальные уроки русского языка – представляющая собой перевод с татарского языка на башкирский уже были однажды изданы, при покойном окружении инспектора В.В. Катаринского. Некоторая невыдержанность в транскрипции звуков башкирского языка значительно препятствова-

ла распространению первого издания книжек. Кроме того, в настоящее время выяснилось, что башкирский язык разделился на несколько наречий (до 5-ти) довольно сильно отличающихся друг от друга. Первое издание сих книжек, как сделанное только на одном из них наречий, именно – на наречии башкир юго-восточной части Верхнеуральского уезда и северной части Орского уезда уже поэтому самому не могло иметь обширного распространения. В виду сего, мы сочли необходимым издать эти книжки, после переделки транскрипции сообразно с использованием, высказанными нами к башкирскому букварю издания 1906 г., по крайней мере, на двух наречиях: на наречии башкир, обитающих в юго-восточной части Верхнеуральского уезда и в северной части Орского уезда, и на наречии башкир, обитающих в Челябинском уезде Оренбургской губернии и в Шадринском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии. Мы позволили бы себе назвать первое наречие наречием юго-восточных башкир, а последнее – наречием северо-восточных башкир. 15 ноября 1906 г».

Букварь и книги для чтения А.Г. Бессонова имели огромное значение в развитии и изучении башкирского языка. Более того, этими учебниками пользовались в русско-башкирских школах вплоть до 1917 г. При составлении современного башкирского алфавита на кириллице были использованы принципы, которыми руководствовался в свое время А.Г. Бессонов.

АЛФАВИТ Н.Ф. КАТАНОВА

Большой вклад в изучение башкирского языка внес профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов. Под его руководством с 1896 г. по 1898 г. дважды были организованы диалектологические поездки в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии с целью изучения диалектов башкирского языка и крещеных татар. Отчеты этих экспедиций опубликованы в Ученых записках Казанского университета (Отчет о поездке, совершенной с 1 апреля 1897 г. по 20 августа того

же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. VII; Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1899. Кн. VIII).

Н.Ф. Катанов подразделяет язык башкир Уфимской губернии на западный и восточный говоры и отмечает сходство первого с татарским, второго – с казахским языком. Он приводит сведения о фонетических, морфологических и словообразовательных особенностях восточного говора в сравнении с языками других тюркоязычных народов.

На рубеже XIX–XX вв. Н.Ф. Катановым была составлена «Азбука для башкирского языка», где он предлагает на основе кириллицы алфавит, состоящий из 33 букв. 19 из этих букв, по мнению автора, обозначают в русском и башкирском языках одни и те же звуки: *a – a, б – b, г – g, д – d, ж – ž, з – z, и – i, й – j, к – k, л – l, м – m, н – n, п – p, с – s, т – t, у – u, ф – f, ш – š*. 10 букв характеризуют наиболее специфические звуки башкирского языка: *ä – ä, ö – ö, 3 – 3, к* (две точки наверху) – *q, с* (две точки наверху) – *v, ʏ – ʏ* и т.д.

Н.Ф. Катанов подробно описывает особенности произношения башкирских звуков *o, x, ы, э*. Автор азбуки точно характеризует башкирский звук *x*, который, как он отмечает, является несколько гортанным и по характеру образования более задним, чем тот же звук в русском языке.

Вместо букв современного башкирского алфавита *в, е, я* им были использованы сочетания графем: *ya (ua), ʏe (je), ʏa (ja)*. Ср.: *уакыт (uaqyt)* в современном башкирском языке – *вакыт, ʏebärhänä (jebärhänä) – ебәрһәнә, ʏetä (jetä) – етә, ʏалан (jalan) – ялан, ʏафрак (jafraaq) – в современном башкирском языке япрак, на северо-западном диалекте – яфрак* [Халикова, Шакуров, 1981:36-38].

В азбуке нашли отражение орфоэпические нормы башкирского языка. В качестве учебного материала приведена крыловская басня «Стрекоза и муравей» в переводе на башкирский язык.

Таким образом, Н.Ф. Катанов предпринял попытку решения одного из наиболее сложных вопросов письменности большинства современных тюркских языков народов нашей страны [Баскаков, 1976:14].

«Азбука для башкирского языка» Н.Ф. Катанова существует только в рукописном варианте, в настоящее время она хранится в Национальном музее Республики Татарстан (Азбука для башкирского языка. ЦГА Татарстана. Ф. 969, оп. I, д. 26).

ГРАММАТИКА М.С. УМЕТБАЕВА

Башкирский просветитель-демократ XIX в., ученый и поэт М.С. Уметбаев в 1897 г. издает «Символы веры и правила быстрого обучения чтению», а в 1901 г. – «Краткую татарскую грамматику» («Татар нәхүенен мохтасары»). Оба издания опубликованы в Казани. Необходимо уточнить по поводу названия последней книги: в данном случае автор подразумевает не современный татарский язык. Здесь термин «татарский» употребляется в более широком значении, как было принято в то время, – в значении тюркского языка.

При написании грамматики использован действующий в то время алфавит на арабской графике, усовершенствованный М.И. Уметбаевым путем добавления к существующим буквам дополнительно 6 букв для передачи собственно башкирских звуков.

В грамматике большое внимание уделяется особенностям татарского и башкирского языков в рамках общего тюрки. Во вступлении автор пишет так: *«Наш татарский язык происходит из языка древних чагатайцев и башкир. На нем говорят кипчаки, киргизы, башкиры и туркмены из чагатайского рода. Сами они называют свой язык «тюрки тель». То есть язык тюрки».*

М.С. Уметбаев, работая над созданием своей грамматики, обращает пристальное внимание на принципы построения восточных и западных грамматик, на внутреннюю природу, осо-

бенности башкирского и татарского языков. Приводит часто примеры из народного творчества. Очень тщательно указывает на своеобразие, отличие башкирской лексики, фонетики и морфологии. Стремится ясно и просто, доступно для всех сформулировать правила и определения.

Важно и то, что М.С. Уметбаев, исследуя древний лексический пласт, архаическую грамматику языка, делает интересные выводы. Он пишет, что истяки, или башкиры, в древности говорили на тюрки, доказательство этого – книги «Кисанбиа» Рабгузи, «Шэжэре тюрк» Абулгази Багадура и «Бабур-намэ» Загретдина Бабура, так как автор первой Насир Рабгузи в начале своей книги пишет: «Дабы было понятно истякам, пишу на этом языке».

Башкирский ученый сопоставляет чагатайскую (староузбекскую) лексику с башкирской по книге «Бабур-намэ», находит общие черты и отличия [Хусаинов, 2006:72].

М.И. Уметбаев занимался переводческой работой. Будучи членом комиссии по проведению 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина, он переводит на башкирский язык стихотворение великого русского поэта «Бахчисарай». Некоторые из его переводов представлены в книге «Ядкарь» (Казань, 1897 г.), которая была переиздана в 1984 г. После ухода в отставку переводческая деятельность ученого была одним из источников для проживания, о чем говорится в письме М.И. Уметбаева, написанном царю 14 декабря 1904 г.

Первый башкирский ученый М.И. Уметбаев провел большую просветительскую работу. С целью повышения грамотности башкирского населения, он предлагает ввести в учебную программу изучение русского языка и литературы, так как по его мнению, только владея русским языком можно ознакомиться с европейской и мировой культурой. В своей грамматике, по мере возможности, он проводит сопоставительный анализ между этими языками, находит общие моменты, указывает на их практическое применение. Среди рукописного наследия ученого сохранились рекомендации по преподаванию русского

языка башкирским и татарским детям, в которых большое внимание уделяется осознанному изучению данного предмета. Эти рекомендации не утратили свою актуальность и в наше время.

АЛФАВИТ И АЗБУКА М.С. КУЛАЕВА

В истории тюркологии государственный и общественный деятель, ученый филолог, выходец из усерганских башкир Мстислав Александрович (Мухаметхан Сахипгареевич) Кулаев известен как автор первого алфавита башкирского языка. Дело в том, что все его предшественники, которые предлагали алфавит для башкир, брали за основу алфавит русского языка и к нему добавляли те или иные знаки для передачи специфических звуков башкирского языка. М.А. Кулаев же посчитал наиболее подходящей для башкирского языка приспособленную кириллицу с использованием дополнительных знаков греческого алфавита.

М.А. Кулаев этот алфавит представил в своей первой книге «Основы звукопроизношения и азбука для башкир», которая вышла в Казани в 1912 г. Алфавит состоит из 34 букв, 19 из которых полностью идентичны русским буквам и в таком виде представлены в современном башкирском алфавите. 10 букв (*приложение №18*), предложенных самим автором, обозначают специфические башкирские звуки. В отличие от действующего алфавита, М.А. Кулаев для обозначения гамзы взял отдельную букву (>) и назвал «звуком смыкания голосовых связок» (*приложение №11*).

Книга состоит не только из перечня предлагаемых букв: в нее включены сведения о звукопроизношении, сочетании звуков, об искажениях при их произношении. Таким образом, можно сказать, что в своей книге М.А. Кулаев дает полную характеристику звуковому строю башкирского языка в сопоставлении с соответствующими данными русского языка, а также показывает различия в звуковой системе этих языков.

К идее создания алфавита башкирского языка на основе русской графики М.А. Кулаев возвращается после победы Октябрьской революции. В 1919 г. он издает в Казани литографическим способом «Алепей» (Азбуку) (*приложение №17*). Но, как нам известно, после революции для башкирского языка сначала создается алфавит на арабской графике, которой пользовались почти до 30-х г., а потом перешли на латинизированный алфавит. М.А. Кулаев продолжает свои исследования в области фонетики, результатом которых стала работа «О звуках башкирского языка», изданная в 1928 в Казани. И эта брошюра была издана на стеклографе. В том же году он выпустил статью «Твердый алфавит башкирского языка» (*приложение № 23*). В заключительной части этой работы М.А. Кулаев еще раз попытался обосновать необходимость создания алфавита башкирского языка на кириллице (*приложение № 24*).

М.А. Кулаев интересовался не только фонетикой и графикой башкирского языка, он изучал и грамматические категории. В результате чего им написана работа «О глаголах башкирского языка» (размножен стеклографическим путем в 1930 г.).

Не все работы М.А. Кулаева увидели свет. В настоящее время его богатое рукописное наследие хранится в научном архиве УНЦ РАН, которое передано сюда по личному завещанию автора. Наибольший интерес вызывает из его неопубликованных работ «Грамматика усерганских башкир» и рукопись «Башкирско-русского словаря» в виде 3-х общих тетрадей, над которой он начал работать в 30-е годы и начисто переписал в 1944 году. В словаре представлен уникальный материал из разговорной речи усерганских башкир, где зафиксировано более 6 тысяч корневых слов. Если учесть, что в каждом словарном гнезде даны десятки производных слов, то число лексем в словаре возрастет в несколько раз. Все примеры взяты из разговорной речи. Фактически это разновидность диалектологического словаря. Автор отмечает, что язык башкир един, понятен всем носителям данного языка, хотя имеются мелкие различия [Сибгатов Р.Ю., Ураксин З.Г., 2007:68].

В приложении данной работы представлены некоторые материалы из работ М.С. Кулаева, что, на наш взгляд, заинтересует читателя, так как его рассуждения о башкирском письме, орфографии башкирского языка не утратили свою актуальность (*приложения №№ 19, 20, 21, 22*).

Завершая краткий обзор азбук и алфавитов, использованных башкирами до Октябрьской революции, следует отметить, что любой алфавит можно обсуждать с двух сторон. Одна сторона – техническая: число и начертания букв, их сочетания, диакритика. Другая сторона – функциональная, т.е. употребление алфавитов в зависимости от их историко-культурной ориентации. При несомненной значимости первого направления в конечном счете оно подчинено второму – социально-ценному направлению [Тенишев, 1992:7]. Проблема тюркских, в том числе башкирского, алфавитов в настоящее время совсем не простая. Кириллица не может передать на письме особенности тюркской фонетики, в связи с этим Э.Р. Тенишев в начале 90-х гг. и предложил создать Международный комитет тюркских алфавитов (МКТА) для усовершенствования алфавитов [Тенишев, 1992:9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показывает, что тюркское, в том числе башкирское, письмо, прошло долгий и сложный путь формирования. История письменной формы языка неразрывно связана с историей устной формы, литературной формы этого языка. По вопросу истории формирования и развития башкирского литературного языка среди лингвистов существуют разные взгляды: одни ученые относят его к младописьменным языкам, которые не имели до Октябрьской революции своих собственных письменных традиций (А.А. Юлдашев), другие утверждают, что башкирский общенародный литературный язык до Октябрьской революции находил выражение прежде всего в жанрах устно-поэтических произведений (Дж.Г. Кiekбаев, К.З. Ахмеров, В.Ш. Псянчин). Язык тюрки им признается лишь как официальный письменный язык, язык канцелярии, деловых бумаг и летописей. Другие ученые (А.И. Харисов, Г.Б. Хусаинов, Э.Р. Тенишев, Т.М. Гарипов, Э.Ф. Ишбердин) безоговорочно признают функционирование литературного языка башкир в донациональной эпохе.

На наш взгляд, здесь уместно будет напомнить историю башкирского литературного языка, которая рассматривается в двух этапах (донациональный и национальный), первый из которых делится на 6 периодов:

1) V–X вв. – древнетюркский период. Общими между языком рунических памятников и башкирским языком с его диалектами и говорами являются наличие диссимилятивных звукосочетаний *лт*, *мт*, *нт*, *мк*, *нк*, а также подавляющее большинство глагольных основ и лексических единиц. В отличие от татарского языка древнетюркский начальный *й-* в башкирском языке сохранился: *йегирми* > *йегерме* «двадцать».

2) X–XV вв. – среднетюркский период. Самым популярным литературным памятником этого периода является поэма Кул Гали «Кисса-и Йусуф». Язык этой поэмы, в котором отражено внутреннее противоречие между огузо-уйгурской пись-

менной традицией и «новыми» кыпчакскими языковыми элементами, по праву считается исходным началом для истории родственных татарского и башкирского литературных языков [Тенишев, 1986:46-57].

3) С XIII в. до середины XVI в., т.е. до вхождения Башкирии в состав Русского государства. В XIII-XIV вв. в Золотой Орде выделяется не только региональная литературная система, но и зональная.

4) С середины XVI по XVIII вв., характеризуется увеличением тюрки Урало-Поволжья числа кыпчакских элементов, а также лексических единиц русского происхождения, особенно в официально-деловых документах и шежере.

5) Первая половина XIX в. характеризуется развитием суфийской литературы на тюрки Урало-Поволжья, более активным взаимодействием литературного языка, народно-разговорной речи и языка фольклора.

6) Вторая половина XIX в., характеризуется развитием просветительской литературы, увеличением числа собственно башкирских языковых элементов в тюрки Урало-Поволжья, формированием новых стилей литературного языка.

Национальный этап развития башкирского литературного языка подразделяется на пять периодов:

1) с конца XIX в. до Октябрьской революции, характеризующийся формированием башкирской нации; в качестве литературного языка продолжал выступать башкиризованный тюрки Урало-Поволжья, а официальным языком печати функционировал татарский литературный язык, в условиях Башкортостана не свободный от влияния башкирского народно-разговорного языка;

2) 1920-е годы, характеризующиеся формированием современного башкирского литературного языка на основе тюрки, народно-разговорной речи и языка фольклора;

3) 1930–1940-е годы, характеризующиеся ускоренным развитием современного башкирского литературного языка, становлением его основных функциональных стилей;

4) с 1950-х годов до 1999 г., происходят стабилизация современного башкирского литературного языка и усиление взаимодействия с русским литературным языком и языками других народов СНГ;

5) с 1999 г. по настоящее время, реализация закона «О языках народов РБ» [Тенишев, 2006:75-79].

Башкирский литературный язык не мог существовать только в устной форме. Более того, письмо использовалось и до формирования литературной формы. Исходя из этого, в истории развития башкирского письма можно выделить следующие два этапа: 1) дописьменный период (здесь рассматриваются предметное письмо и пиктография); 2) письменный период (делится на идеографию, слоговое письмо и фонографию). Каждый этап и их разновидности действительно имели место в истории башкирского языка, некоторые элементы из них сохранились в виде обычаев, поверий или пословиц. Все это дает нам возможность рассматривать башкирский язык в числе старописьменных языков мира, который имеет богатую историю и предполагает не менее интересное будущее. В настоящее время башкирский язык имеет статус государственного в Республике Башкортостан. На башкирском языке разговаривают башкиры, проживающие на территории Республики Башкортостан, Челябинской, Оренбургской, Тюменской, Свердловской, Курганской, Самарской, Саратовской областей, Пермского края, Республики Татарстан и Удмуртии. Башкиры занимают четвертое место в России после русских, татар и украинцев. Язык одного из основных этносов Российской Федерации должен быть нормированным в орфографическом и орфоэпическом плане. Только тогда мы можем обеспечить всестороннее развитие башкирского языка как одного из древних старописьменных языков мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Азнагулов, Р.Г. Лингводидактические основы развития личности учащихся: Актуальные проблемы методики развивающего обучения / Р.Г. Азнагулов. – Уфа: БГУ, 2001. – 136 с.
2. Ахмеров, К.З. Из истории башкирской письменности (история алфавита и орфографии башкирского литературного языка) / К.З. Ахмеров. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. – 134 с.
3. Ахмеров, Р.Б. Наскальные письма и этнонимы башкир / Р.Б. Ахмеров. – Уфа: Китап, 1994. – 112 с.
4. Ахмеров, Р.Б. О генезисе башкирских тамг // Научная сессия по этногенезу башкир. – Уфа, 1969. – С. 117-119.
5. Баскаков, Н.А. Проблемы совершенствования и унификации алфавитов тюркских народов СССР // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: тезисы докладов и сообщений. – Алма-Ата, 1976. – С. 14-16.
6. Башкирские родословные / сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; науч. рук. Р.Г. Кузеев. Вып. 1. – Уфа: Китап, 2002. – 480 с.
7. Башкирские шежере. – Уфа, 1960.
8. Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус.яз., 1996. – 884 с.
9. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.
10. Бекчурин, М.-С. Начальное руководство к изучению арабского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана с русско-персидско-татарскими словами, расположенными по предметам, разговорами и прописями / М.-С. Бекчурин. – Казань, 1869. – 159 с.
11. Березин, И.Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в петербургских библиотеках / И.Н. Березин. – Казань, 1846-1849.

12. Березин, И.Н. Турецкая грамматика / И.Н. Березин. – Казань, 1847.
13. Бессонов, А.Г. Букварь для башкир / А.Г. Бессонов. – Казань, 1907.
14. Богданович, Е.Д. Об этажности строения Каповой пещеры / Е.Д. Богданович, И.К. Кудряшов // Советская археология. – 2003. – № 1. – С. 150-154.
15. Бондарко, Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л.В. Бондаренко. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. – 200 с.
16. Букварь для башкир. – Оренбург, 1892 (то же изд. 1898).
17. Булгаков, Р.М. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч. I. Тюркские рукописи / Р.М. Булгаков, И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Гилем, 2009. – 456 с.
18. Васильев, Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея / Д.Д. Васильев. – Л., 1983. – 128 с.
19. Вельяминов-Зернов, В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Тр. Вост. отд. археол. об-ва. Т. 4 – СПб., 1859.
20. Галяутдинов, И.Г. Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения: сборник статей / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Гилем, 2008. – 408 с.
21. Галяутдинов, И.Г. Два века башкирского литературного языка / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Гилем, 2000. – 448 с.
22. Галяутдинов, И.Г. Письменные памятники Башкирии (проблемы полевой, камеральной и эдиционной археографии) // Письменные памятники Башкирии: Историко-филологические исследования. – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 31-47.
23. Ганеев, Б.Т. Язык / Б.Т. Ганеев. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 272 с.
24. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма / предисловие И.М. Дьяконова. Пер. с англ. Л. С. Горбовицкой, И. М. Дунаевской. – М.: Радуга, 1982. – 366 с.; 2-е изд. – М., 2004. – 368 с.
25. Гельб, И.Е. Опыт изучения письма: основы грамматики (перевод с англ.) // Введение в языковедение: хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 249-268.

26. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И.Г. Георги. – СПб., 1799.
27. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.; Наука, 1981. – 495 с.
28. Григорьев, А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981. – С. 82-85.
29. Давлетшина, Х. Иргиз. Роман / перевод с башкирского В.Василевского / Х. Давлетшина. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. – 44 с.
30. Дирингер, Д. Алфавит / Д. Дирингер. – М., 2004. – 656 с.
31. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.
32. Дьяконов, И.М. О письменности. Введение к книге Д. Дирингера «Алфавит» / перевод с англ. – М., 1963.
33. Ергин, Ю.В. Неизвестные страницы: М.А Кулаев (1873-1958) – один из авторов азбуки башкирского языка / Ю.В. Ергин // Педагогический журнал Башкортостана. – 2012. – №2 (27). – С. 105-124.
34. Закиев, М.З. Тюрко-татарское письмо (история, состояние, перспективы) / М.З. Закиев. – М.: ИНСАН, 2005. – 248 с.
35. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Р. Зиндер. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.: ил.
36. Иванов, М. Татарская грамматика. Татарская хрестоматия (без словаря). Из двух частей: Ч. 1. – примеры разговорного языка татар, башкир и казахов; Ч. 2 – примеры книжного языка. – Казань, 1842.
37. Истрин, В.А. Возникновение и развитие письма / В.А. Истрин. – М.: Наука, 1965. – 600 с. М., 2012. – 616 с.
38. Ишбердин, Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Э.Ф. Ишбердин. – М.: Наука, 1986. – 152 с.
39. Ишбердин, Э.Ф. История башкирского литературного языка / Э.Ф. Ишбердин, И.Г. Галяутдинов, Р.Х. Халикова. – Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1993. – 320 с.

40. Ишбердин, Э.Ф. Камень с «загадочными» знаками // Советская тюркология. – 1980. - № 2. – С. 64-67.
41. Ишбердин, Э.Ф. Очерки истории башкирского литературного языка / Э.Ф. Ишбердин, Р.Х. Халикова, И.Г. Галаятдинов, З.Г. Ураксин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
42. Ишбердин, Э.Ф. Рукописные и печатные словари XVIII-XIX вв. как источник изучения истории башкирского языка // Письменные памятники Башкирии: Историко-филологические исследования. – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 69-82.
43. Казем-бек, А. Грамматика турецко-татарского языка, составленная ординарным профессором Алесандром Казем-Бекем / А. Казем-Бек. – Казань, 1839. – 525 с.
44. Казем-бек, А. Общая грамматика турецко-татарского языка, обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора / А. Казем-бек. – Казань, 1846.
45. Катанов, Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 апреля 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета за 1898 г. – Казань, 1898.
46. Катанов, Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета за 1899 г. – Казань, 1899.
47. Катаринский, В.В. (переводчик) Инжил / В.В. Катаринский. – Казань, 1902. – 314 с.
48. Катаринский, В.В. Башкирско-русский словарь / В.В. Катаринский. – Оренбург, 1899. – 237 с.
49. Киплинг, Р. Сказки / Р. Киплинг. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 160 с.
50. Кляшторный, С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968-1969 гг.) // Тюркологический сборник – 1972. – М., 1973. – С. 260-263.

51. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992.
52. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурной истории центральной Азии / С.Г. Кляшторный. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с.
53. Кондратов, А.М. Книга о букве / А.М. Кондратов. – М.: Советская Россия, 1975. – 224 с.
54. Кононов, А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–XI вв.) / А.Н. Кононов. – Л., 1980.
55. Кононов, А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, допол. и исправл. / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. – 360 с.
56. Котов, В.Г. Мифология Южного Урала / В.Г. Котов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2002. – 66 с.
57. Краткий русско-башкирский словарь. – Оренбург, 1893.
58. Кузеев, Р.Г. Историческая этнография башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. – 264 с.
59. Кузеев, Р.Г. Новое открытие пещерной живописи на Южном Урале // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Р.Г. Кузеев, А.Х. Пшеничнюк. – Уфа: БФ АН СССР, 1984. – С. 145-147.
60. Кузеев, Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир: Родо-племенные организации башкир в XVII–XVIII вв. Ч. 1. / Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1957. – 183 с.
61. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнонический состав, история расселения / Р.Г. Кузеев. 2-изд., доп. – Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2012. – 560 с.: ил.
62. Кулаев, М.С. Основы звукопроизношения и азбука для башкир / М.С. Кулаев. – Казань, 1912, 18-1 с.+2 рис. и азбука (2 с.)

63. Курбатов, Х.Р. Татар әдәби теленең алфавит һәм орфография тарихы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1999. – 139 б.
64. Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1994. – 327 с.
65. Латыпова, Р.М. Письменные источники конца XIX – начала XX веков и их влияние на формирование башкирского литературного языка (на основе русской и латинской график): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 24 с.
66. Лившиц, В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. – 1978. – № 4. – С. 84-98.
67. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 480 с.
68. Лоссиевский, М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии / М.В. Лоссиевский. Отдел V. – Уфа, 1883.
69. Лоссиевский, М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах / М.В. Лоссиевский. – Уфа, 1903.
70. Лоукотка, Ч. Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 320 с.
71. Ляхницкий, Ю.С. Результаты экспертной оценки состояния палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) и перспективы реставрационных работ / Ю.С. Ляхницкий, Е.П. Мельникова, С.Б. Шигорец // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. 9–15 сентября 2001 г. – Уфа, 2002. – С. 119-121.
72. Мажитов, Н.А. История Башкортостан. Древность. Средневековье / Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова. – Уфа: Китап, 2009. – 496 с.: ил.
73. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности / С.Е. Малов. – М.-Л., 1951.
74. Мусаев, К.М. Алфавиты языков народов СССР / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1965. – 1987 с.

75. Мусаев, К.М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР) / К.М. Мусаев. – Алматы: Гылым, 1993. – 242 с.
76. Насилов, Д.М. Древнетюркская письменность в исследованиях последних лет // Советская тюркология. – 1976. – №1. – С. 82-101.
77. Нравоучительные уроки, написанные на башкирском языке. – Казань, 1901.
78. Нуриджанова, С.А. Читайте полотенца! / С.А. Нуриджанова. – Уфа: Китап, 2011. – 156 с.: ил.
79. Образцы башкирской разговорной речи / ред. Н.Х. Максютова. – Уфа: Китап, 1988. – 224 с.
80. Описание научного и творческого наследия Мухаметсалима Уметбаева / сост. М.Х. Надергулов. – Уфа, 1993.
81. Орнаменты рукописных и старопечатных книг Башкортостана / сост. Г.Б. Хусаинов, И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Китап, 2001. – 160 с.: ил.
82. Павленко, Н.А. История письма: учебное пособие для филологических факультетов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.А. Павленко. – Минск: Высшая школа, 1987. – 239 с.: ил.
83. Паллас, П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В 4 т. / П.С. Паллас. – СПб., 1790-1791 гг.
84. Паллас, П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. В 2 т. / П.С. Паллас. – СПб., Отд. I, ч. I. – 1787. – 6+441 с.; Отд. II, ч. II, 1789. – 6+441 с.
85. Панов, Е.Н. Знаки, символы, языки. 2-е изд., доп. / Е.Н.Панов. – М.: Знание, 1983. – 248 с.
86. Первая после букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. – Казань, 1908.
87. Первая после букваря книжка для чтения и практические первые уроки для северо-восточных башкир. – Казань, 1906.

88. Письменные памятники Башкирии: Историко-филологические исследования. – Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. – 175 с.

89. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. – М.: Academia, 2000. – 656 с.

90. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV / В.В. Радлов. – М., 1963 (перепечатано с изд.: СПб., 1893–1911).

91. Радлов, В.В. Сравнительная грамматика северных тюркских языков. Т. I. Фонетика / В.В. Радлов. – Лейпциг, 1882–1883.

92. Республика Башкортостан: историко-культурный энциклопедический атлас / гл. ред. А.И. Акманов. – М., Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 695 с.

93. Рукописная книга в культуре народов Востока (Очерки). Кн. вторая. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1998. – 548 с.

94. Рыбаков, С.Г. Курай, башкирский музыкальный инструмент / С.Г. Рыбаков. – "РМГ", 1896. – № 1 (с записями мелодий)

95. Рыбаков, С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 8. № 2. – СПб., 1897.

96. Рязяпов, Р.Ф. Свод законов о башкирском языке. Начало XX в. / Р.Ф. Рязяпов. – Уфа: Китап, 2004. – 208 с.

97. Сибагатов, Р.Ю. Ученый, политик и врач / Р.Ю. Сибагатов, З.Г. Ураксин // Бельские просторы. – 2007. – № 7

98. Соколов, Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. XIII. – Оренбург, 1904.

99. Соколов, Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. – Оренбург, 1898.

100. Соколов, Н.Н. Письмо вчера, сегодня, завтра / Н.Н.Соколов. – М.: Просвещение, 1989. – 144 с.: ил.
101. Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположений. В 4-х ч. – СПб., 1790, 1791.
102. Тенишев, Э.Р. Избранные труды. В трех книгах. – Уфа: Гилем. – Кн. первая, 2006. – 304 с.; Кн. вторая, 2006. – 380 с.; Кн. третья, 2011. – 256 с.
103. Тенишев, Э.Р. О периодизации истории башкирского литературного языка // Ядкяр. – 2006. - №2. – С.75-79.
104. Тенишев, Э.Р. О языке поэмы Кул Гали «Кысса-и Юсуф» // TURKOLOGA, 1986. – С. 268-275.
105. Тенишев, Э.Р. Размышления об алфавитах тюркских языков // Труды Международной конференции: В 3-х т. Т.1: Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С.7-9.
106. Тенишев, Э.Р. Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Изд-во «Индирик», 1997. – С.35-46.
107. Тенишев, Э.Р. Тюркские рунические надписи Поволжья // Избранные труды. Кн. первая. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 157-170.
108. Тулумбаев, В.З. Башкирские тамги и их названия (Лингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2001. – 25 с.
109. Тыбыкова, Л.Н. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая / Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, М. Эрдал. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2012. – 152 с.
110. Уметбаев, М.С. Татар нәхүенең мохтасары / Краткая татарская грамматика / М.С. Уметбаев. – Казань, 1901.
111. Ураксин, З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь / З.Г. Ураксин. – М.: «Русский язык», 1989. – 404 с.
112. Фархшатов, М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. / М.Н. Фархшатов. – М.: Наука, 1994. – 144 с.

113. Фридрих, И. История письма / И. Фридрих. – М.: ЛКИ, 2012. – 464 с.
114. Халикова, Р.Х. Еще одна страница из научного наследия Н.Ф. Катанова / Р.Х. Халикова, Р.Х. Шакуров // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 36-38.
115. Хусаинов, Г.Б. Гуманитарий. Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография / Г.Б. Хусаинов. – Уфа: Гилем, 2008. – 636 с.
116. Хусаинов, Г.Б. Духовный мир башкирского народа / Г.Б. Хусаинов. – Уфа: Китап, 2003. – 480 с.
117. Хусаинов, Г.Б. Мухаметсалим Уметбаев // Ватандаш. – 2006. – № 10. – С. 111-145; №11. – С. 91-137. – № 12. – С. 70-103.
118. Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия: в 3-х т. – М.: Наука, 2001. – 431 с.
119. Başlangıcından Günümüze TÜRK YAZISİSTEMLERİ. – Ankara, 2006. – 406 с.
120. Dmitriev N., Étude sur la phonétique bachkire, «Journal Asiatique», 1927.
121. Feyzi ÜLGÜ. Türk medeniyeti'nden çok önemli ilkler. – Osmangazi-BURSA. – 25 с.
122. Kazim Mirşan. Alfabetik Yazı Başlangıcı. – Bodrum, 1994.

Интернет ресурсы

1. Башкиры // <http://российскаянация>.
2. Дубровский, Д.К. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве / Д.К. Дубровский, В.Ю. Грачев // www.uralrockart.ru
3. Салават Юлаев – национальный герой // <http://ulaev-salavat.narod.ru>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения 1–4 см. на цветной вкладке стр. 59–62.

Приложение № 5

*Древнетюркский рунический алфавит. Из книги С.Е. Малова
«Памятники древнетюркской письменности» (М.-Л., 1951, С. 17)*

Начертание	Значение		Начертание	Значение	
	русск.	лат.		русск.	лат.
└┐┌┘	а ä	а ä	Э	я̆	ñ̆
└	б ¹	б ¹	☺☻☹☼⊗	нт	nt
┘┘┘	б ² ä	б ² ä	┘	нч	nč
┘┘┘┘┘	б	γ	>>	о у	о u
┘┘	г	g	┘┘┘	ö у	ö ü
┘┘┘	д ¹	д ¹	┘	п	р
┘	д ²	д ²	┘┘	р ¹	г ¹
┘┘┘┘┘	э	z	┘	р ²	г ²
┘┘	ы i	у i	┘	с ¹	с ¹
┘	й ¹	й ¹ ī	┘	с ²	с ²
┘	й ²	й ² ī	┘┘	т ¹	т ¹
┘┘┘┘┘┘┘	к	q	┘	т ²	т ²
┘┘┘┘┘┘	к	к	┘┘	ч	č
┘	л ¹	л ¹	┘┘┘┘┘┘┘	ш	š
┘	л ²	л ²	┘		
┘	лт	lt			
┘┘	н	н			
┘	н ¹	н ¹			
┘┘┘┘┘	н ²	н ²			
┘┘	ң	ң			

Приложение № 7

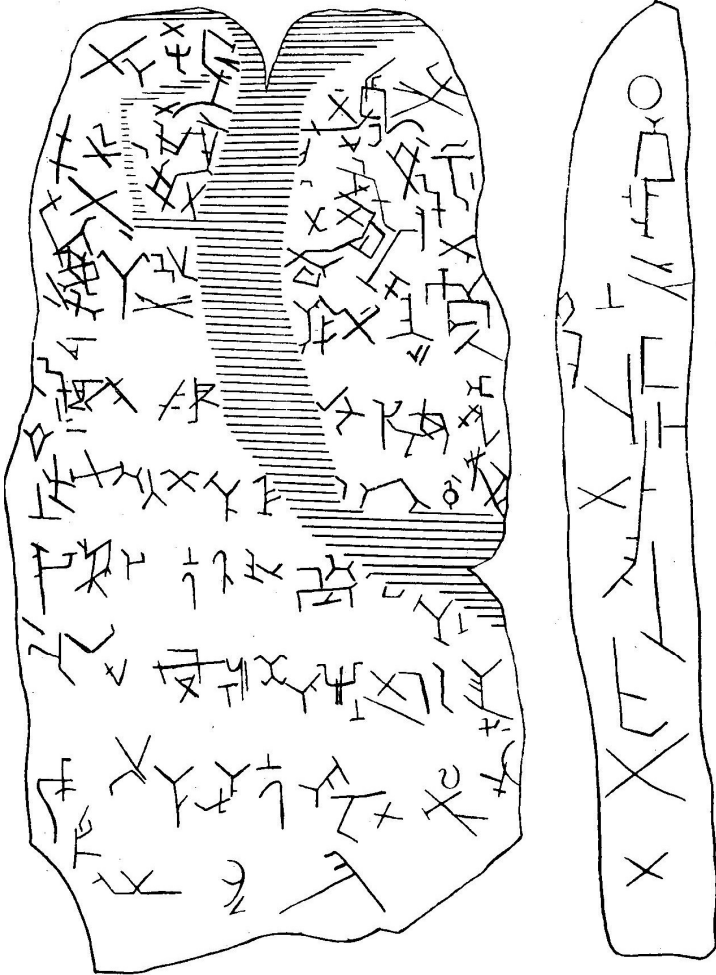
Сравнительная таблица рунического письма с башкирскими тамгами
 Из книги Э.Ф. Ишбердина, И.Г. Галютдинова, Р.Х. Халиковой
 «История башкирского литературного языка (Уфа, 1993. – С. 14)

Хәрефтәр	Орхон тамгалары	Йәнәсей тамгалары	Башҡорт тамгалары	Хәрефтәр	Орхон тамгалары	Йәнәсей тамгалары	Башҡорт тамгалары
а, ә	𐰀	𐰁𐰂𐰃	𐰀𐰂	а	𐰀 (B)	𐰀𐰀𐰀	𐰀𐰂𐰃
б	𐰄	𐰄𐰄𐰄	𐰄𐰄	б	𐰄 (V)	𐰄 / 𐰄	𐰄𐰄
к	𐰆	𐰆𐰆𐰆	𐰆𐰆	к	𐰆	𐰆𐰆	𐰆𐰆𐰆
г	𐰈	𐰈𐰈𐰈	𐰈	г	𐰈 (OAO)	𐰈𐰈𐰈	𐰈𐰈𐰈𐰈
д	𐰊	𐰊𐰊𐰊𐰊	𐰊𐰊𐰊	д	𐰊	𐰊𐰊𐰊	𐰊
е, ё	𐰌	𐰌𐰌𐰌	𐰌𐰌𐰌	е	𐰌	𐰌𐰌𐰌𐰌	𐰌𐰌
з	𐰎	𐰎𐰎	𐰎	з	—	𐰎𐰎𐰎𐰎	𐰎𐰎𐰎
и	𐰐	𐰐	𐰐	и	𐰐	𐰐𐰐	𐰐
к, қ	𐰒	𐰒𐰒𐰒	𐰒𐰒𐰒	к	𐰒 (PXP)	𐰒𐰒𐰒𐰒	𐰒𐰒𐰒𐰒
л	𐰔	𐰔𐰔	𐰔𐰔	л	𐰔 (S)	𐰔𐰔	𐰔𐰔𐰔
м	𐰖	—	𐰖𐰖	м	𐰖	𐰖𐰖	𐰖
н	𐰘	𐰘𐰘𐰘	𐰘𐰘	н	𐰘	𐰘	𐰘𐰘
р	𐰚	𐰚𐰚	𐰚𐰚	р	𐰚	𐰚𐰚	𐰚𐰚
с	𐰜	𐰜𐰜𐰜	𐰜𐰜	с	𐰜	𐰜𐰜	𐰜𐰜𐰜
т	𐰞	𐰞𐰞𐰞	𐰞𐰞	т	𐰞 (YB)	𐰞𐰞𐰞𐰞	𐰞𐰞𐰞
у	𐰠	𐰠	𐰠	у	𐰠 (L)	𐰠𐰠	𐰠𐰠
ф	𐰢	𐰢𐰢	𐰢𐰢	ф	𐰢 (WZ)	𐰢𐰢𐰢	𐰢𐰢𐰢
х	𐰤	𐰤𐰤	𐰤𐰤	х	—	𐰤𐰤𐰤	𐰤𐰤

1-й столбик – буквы, 2-й – орхонские знаки, 3-й – енисейские знаки, 4-й – башкирские тамги, далее – повтор в том же порядке.

Приложение № 8

Калмашская плита, найденная в Чекомагушевском районе
(по Э.Ф. Иибердину)

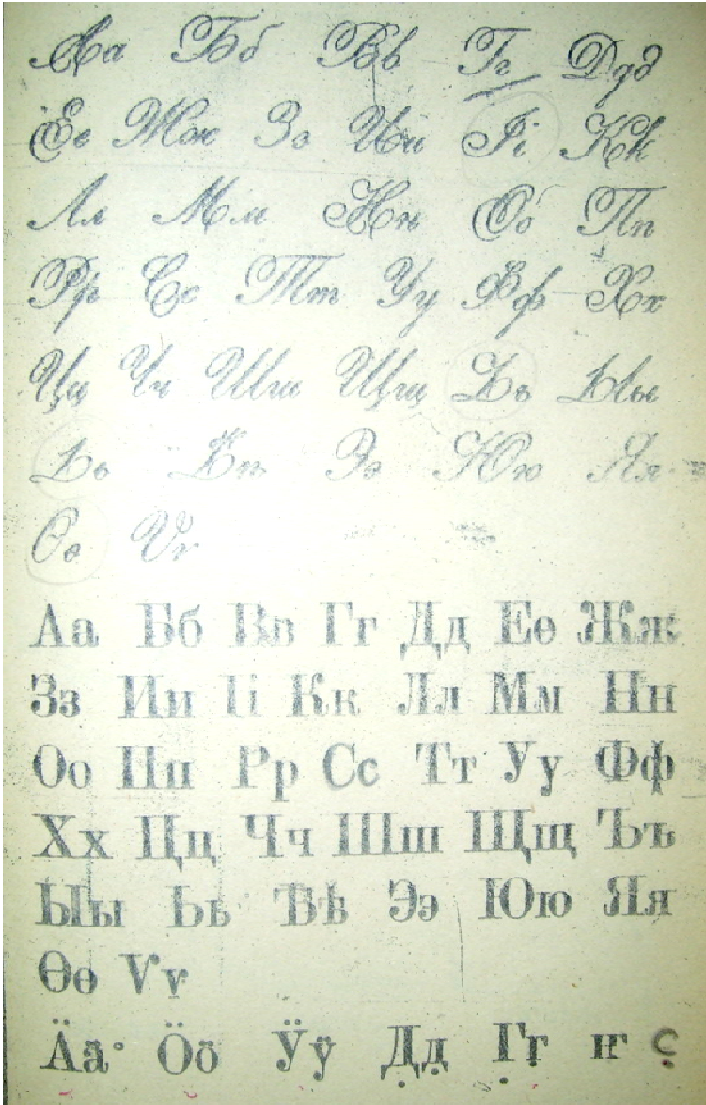
Приложение № 9

Классификация тамг на Калмашской плите
из Чекмагушевского района (по Р.Б. Ахмерову)

1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	
	<p>Аналогии для Калмашских тамг :</p> <p>Тамги башкир-биляр-бэйлэр по Соколову Д.Н.</p>
9	
	<p>Тамги башкир-бурзян</p>
10	
	<p>Тамги башкир-Усергян</p>
	<p>Тамги башкир-Туркмен и Буулкинчакан</p>
11	

Приложение № 10

Алфавит, составленный А.Г. Бессоновым

Алфавит, составленный М.А. Кулаевым

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ СОСТАВЛЕННЫЙ М. А. КУЛАЕВЫМ В 1910-12 ГОДАХ (Из его книги: "Основы звуко-произношения и азбука для башкир" г. Казань 1912г.)							
№ № п/п	печатные буквы	рукописные буквы	современный башкир. алфав	№ № п/п	печатные буквы	рукописные буквы	современный башкир. алфав
1	А а	А а	а	18	М м	М м	м
2	А а	А а	ә	19	Н н	Н н	н
3	Б б	Б б	б	20	Н н	Н н	ң
4	Г г	Г г	г	21	О о	О о	о (оо)
5	Г г	Г г	з	22	Ә ә	Ә ә	ө (өө)
6	Д д	Д д	д	23	П п	П п	п
7	Ъ ъ	Ъ ъ	ы	24	Р р	Р р	р (р)
8	Ъ ъ	Ъ ъ	э (е)	25	С с	С с	с
9	Ж ж	Ж ж	ж	26	Г г	Г г	с
10	Ҙ ҙ	Ҙ ҙ	е	27	Т т	Т т	т
11	З з	З з	з	28	У у	У у	ү
12	Ї ї	Ї ї	з	29	У у	У у	ү
13	И и	И и	и	30	Ф ф	Ф ф	ф
14	Ј ј	Ј ј	й	31	Х х	Х х	х
15	К к	К к	к	32	Ҙ ҙ	Ҙ ҙ	һ
16	Һ һ	Һ һ	к	33	Ш ш	Ш ш	ш
17	Л л	Л л	л	34	Ҙ ҙ	Ҙ ҙ	Звук смыкания голосовых связок

ПРИМЕРЫ:

Бъ башкорт альпырн яншь бьльб алган кышь укъза јаза
 оьласак Бь альпырн ои яншь башкорттн кызь-гьна Ҙ уь оьгала
 Бь альпырнн тошонган кышь укъза јаза оьласак
 Ҙир кьмгә иң буял Ҙз тыльнесә укъз јаза бьльб тырьш
 % стр. 17 - 18 %

Приложение № 12

Башкирский алфавит на арабской графике – искален (1920-1928 гг.)
Читается справа налево

Значение	В конце	В середине	В начале	Отдельно	№ п/п	Значение	В конце	В середине	В начале	Отдельно	№ п/п
[ф]	ڤ	ڤ	ڤ	ڤ	18.	[a]	ا		ا	ا	1.
[к]	ق	ق	ق	ق	19.	[ə]	ه		ه	ه	2.
[к]	ك ك	ك	ك	ك	20.	[б]	ب	ب	ب	ب	3.
[г]	گ	گ	گ	گ	21.	[п]	پ	پ	پ	پ	4.
[ң]	ڭ	ڭ	ڭ	ڭ	22.	[т]	ت	ت	ت	ت	5.
[л]	ل	ل	ل	ل	23.	[ç]	چ	چ	چ	چ	6.
[м]	م	م	م	م	24.	[ж]	ج	ج	ج	ج	7.
[н]	ن	ن	ن	ن	25.	[ч]	چ	چ	چ	چ	8.
v[вау]	و		و	و	26.	[х]	ح	ح	ح	ح	9.
[у], [ү]	و		و	و	27.	[д]	د		د	د	10.
[в]	ڤ		ڤ	ڤ	28.	[з]	ك		ك	ك	11.
[о], [ө]	ؤ		ؤ	ؤ	29.	[р]	ر		ر	ر	12.
[h]	ه	ه	ه	ه	30.	[з]	ز		ز	ز	13.
[й]	ك	ي	ي	ي?	31.	[ж]	ژ		ژ	ژ	14.
[и] [й]	ك	ي	ي	ي	32.	[с]	س	س	س	س	15.
[ы] [е]	ئ	ئ	ئ	ئ	33.	[ш]	ش	ش	ش	ش	16.
						[F]	ع	ع	ع	ع	17.

Приложение № 13

Таблица звуков башкирского языка
в передаче их принятым в БашССР алфавитом на арабской основе

I. СОГЛАСНЫЕ			
В передаче башкирским алфавитом	Примерное произношение	В передаче башкирским алфавитом	Примерное произношение
م	М	ب	Б
ن	Н	ت	Т
ر	Р	د	Д
ل	Л	ك	К
س	С	گ	Г
ش	Ш	ق	глубокое (заднее) «К»
ا	Ж	ع	«Г» проточное немецк. «ng» в слове «lang»
ح	Х	ذ	англ. «th» в слове «the»
	немецк. h	ث	англ. «th» в слове «thank»
پ	П		
II. ГЛАСНЫЕ			
ا	звук промежуточный между «а» и «о»	و	немецкое «ü»
ه	немецкое «ä»	ؤ	звук промежуточный между «о» и «у»
ى	И	ؤ	звук промежуточный между «ö» и «ü»
و	У	ؤ	звук типа «ы»

Башкирский алфавит на латинице – яңәлеп (1928–1940 гг.)

Яңы башкорт алфавиты (яңәлеп)					
Башма	Язма	Мәғәнәһе	Башма	Язма	Мәғәнәһе
Aa	<i>Aa</i>	<i>a</i>	Mm	<i>Mm</i>	<i>м</i>
Bb	<i>Bb</i>	<i>б</i>	Nn	<i>Nn</i>	<i>н</i>
Cc	<i>Cc</i>	<i>ж</i>	Ŋŋ	<i>Ŋŋ</i>	<i>ң</i>
Çç	<i>Çç</i>	<i>ч</i>	Oo	<i>Oo</i>	<i>о</i>
Dd	<i>Dd</i>	<i>д</i>	Өө	<i>Өө</i>	<i>ө</i>
Ḑḑ	<i>Ḑḑ</i>	<i>з</i>	Pp	<i>Pp</i>	<i>п</i>
Ee	<i>Ee</i>	<i>э (е)</i>	Rr	<i>Rr</i>	<i>р</i>
Əə	<i>Əə</i>	<i>ә</i>	Şş	<i>Şş</i>	<i>с</i>
Ff	<i>Ff</i>	<i>ф</i>	Ss	<i>Ss</i>	<i>ш</i>
Gg	<i>Gg</i>	<i>г</i>	Tt	<i>Tt</i>	<i>т</i>
Ƣƣ	<i>Ƣƣ</i>	<i>з</i>	Ъъ	<i>Ъъ</i>	<i>ѐ</i>
Hh	<i>Hh</i>	<i>һ</i>	Uu	<i>Uu</i>	<i>у</i>
Xx	<i>Xx</i>	<i>х</i>	Vv	<i>Vv</i>	<i>в(ы)</i>
Ii	<i>Ii</i>	<i>и</i>	Yy	<i>Yy</i>	<i>ү</i>
Jj	<i>Jj</i>	<i>й</i>	Zz	<i>Zz</i>	<i>э</i>
Kk	<i>Kk</i>	<i>к</i>	Zz	<i>Zz</i>	<i>ж</i>
Oq	<i>Oq</i>	<i>к</i>	,	,	(апостр.)
Ll	<i>Ll</i>	<i>л</i>			

1-й столбик – печатные буквы, 2-й – прописные буквы, 3-й – значение звуков, далее – повтор в том же порядке

Приложение № 15

Международная фонетическая транскрипция на основе латинской графики, принятая редакцией журнала «Советская тюркология»

Гласные		Согласные			
A a	a	B b	б	N n	н
Ä ä	э	V v	в	ŋ	ң
E e	е	G g	г	ng	г (ڭ)
У у	ы	Ĝ ĝ	к (ك)	P p	п
I i	и	Y y	ґ (غ)	R r	р
O o	о	D d	д	S s	с
Ö ö	ө	Ž ž	ж	T t	т
U u	у	Ž ž	ч, дж (چ)	F f	ф
Ü ü	ү	Z z	з	X x	х (خ)
		Δ δ	з (ذ)	H h	h, x (ح ه)
		J j	j	C c	ц
		Q q	ка (ق)	Č č	ч (چ)
		K k	ке (ك)	θ ?	ç (ث)
		L l	л	Š š	ш
		M m	м		

Диакритические знаки

–, : долгота ? краткость
 ~ носовой ' мягкость

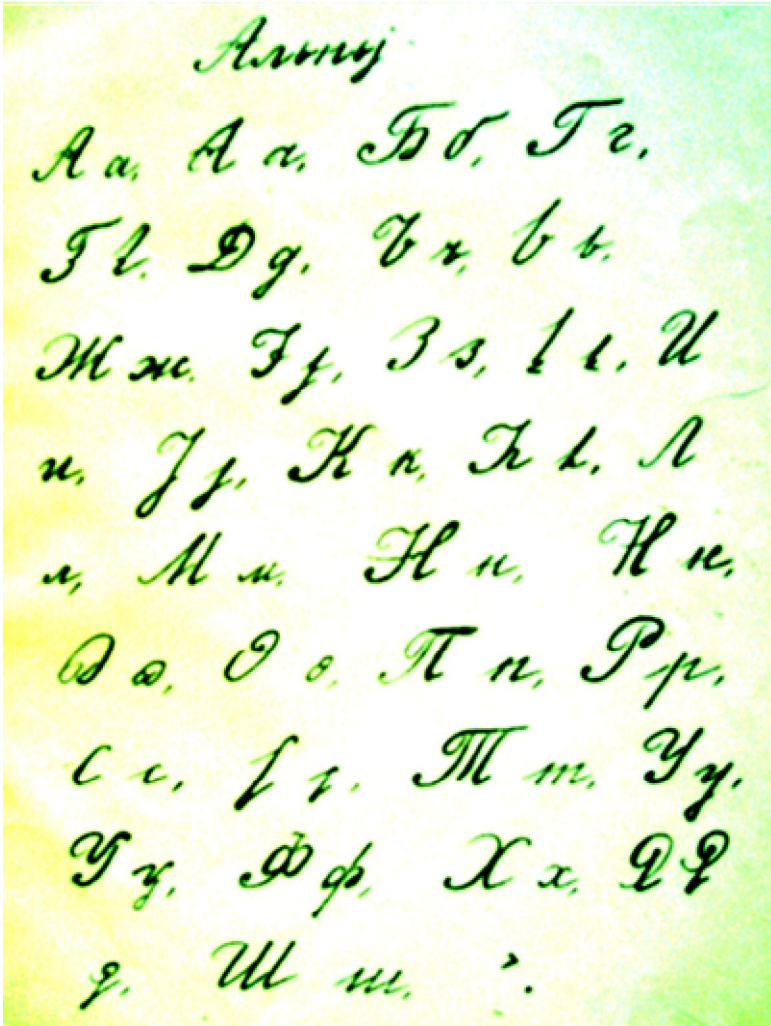
Приложение № 16

Современный башкирский алфавит на русской графической основе (кириллице). Принят в 1940 г. (в 1950 г. добавлена Ёё)

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ

№ п/п	графема	название буквы			графема	название буквы	
1.	А	(А)	[А]	22.	Пп	(ПЭ)	[P]
2.	Бб	(БЭ)	[B]	23.	Рр	(ЭР)	[R]
3.	Вв	(ВЭ)	[V]	24.	Сс	(ЭС)	[S]
4.	Гг	(ГЭ)	[G]	25.	Çç	(Ç)	[Ө]
5.	Ғғ	(ҒЫ)	[Ү]	26.	Тт	(ТЭ)	[T]
6.	Дд	(ДЭ)	[D]	27.	Уу	(У)	[U]
7.	Зз	(ЗЫ)	[Ә]	28.	Үү	(Ү)	[Y]
8.	Ее	(ЙЕ)	[E], [JE]	29.	Фф	(ЭФ)	[F]
9.	Ёё	(ЙО)	[JO]	30.	Хх	(ХА)	[X]
10.	Жж	(ЖЭ)	[Z]	31.	Һһ	(ҺЫ)	[H]
11.	Зз	(ЗЭ)	[Z]	32.	Цц	(ЦЫ)	[ʦ]
12.	Ии	(И)	[I]	33.	Чч	(ЧЭ)	[ʧ]
13.	Йй	(КЫСКА И)	[J]	34.	Шш	(ША)	[ʃ]
14.	Кк	(КА)	[K]	35.	Щщ	(ЩА)	[ʃ]
15.	Кк	(КЫ)	[Q]	36.	Ъъ	(твердый разделительный знак)	[ʔ]
16.	Лл	(ЭЛЬ)	[L]	37.	Ыы	(Ы)	[ʃ]
17.	Мм	(ЭМ)	[M]	38.	Ьь	(мягкий разделительный знак)	[j]
18.	Нн	(ЭН)	[N]	39.	Ээ	(Э)	[E]
19.	Ңң	(ҢЫ)	[D]	40.	Әә	(Ә)	[Æ]
20.	Оо	(О)	[O]	41.	Юю	(ЙУ)	[JU]
21.	Өө	(Ө)	[Ө]	42.	Яя	(ЙА)	[JA]

Башкирский алфавит М.С. Кулаева
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

Приложение № 18

Буквы, предложенные М.С. Кулаевым
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

Буквы, которые пишут в рус-
ском алфавите:

А а Ѡ ѡ Ѣ ѣ

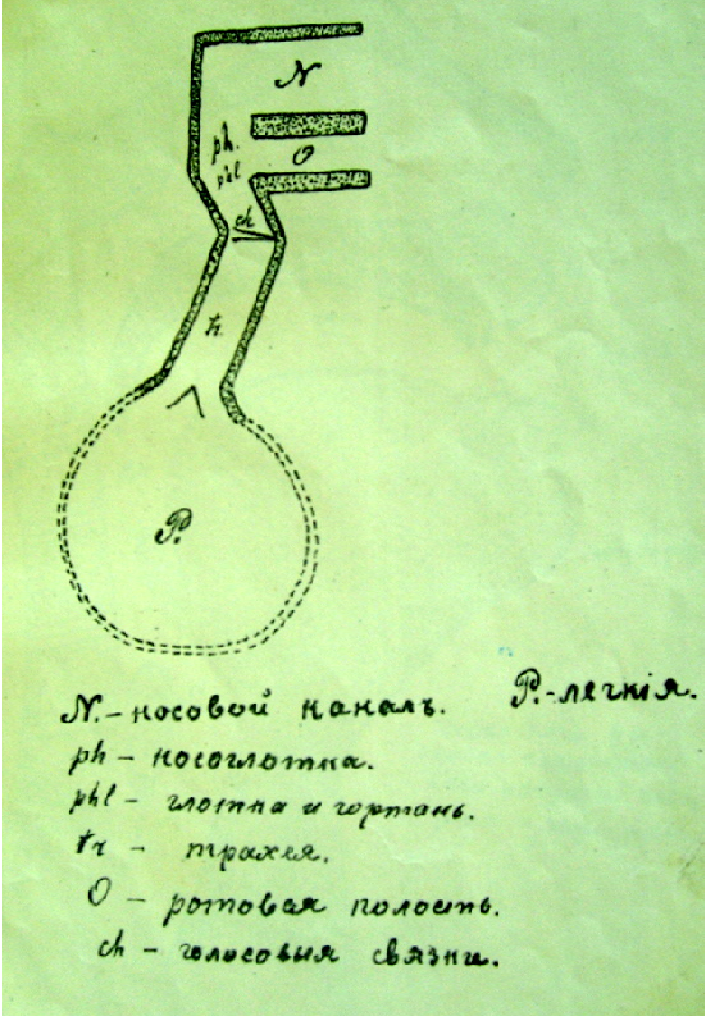
У у Г г І і

Г г Н н Ј ј

Ѳ ѳ (Ѳ) ' .

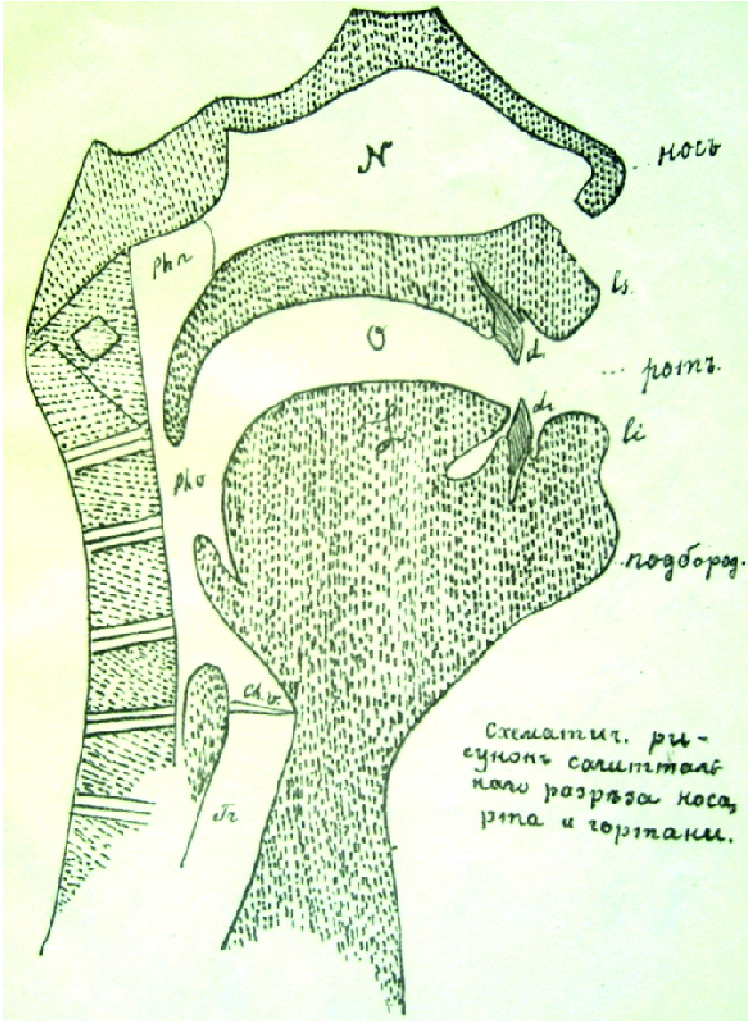
Приложение № 19

Схема речевого аппарата по М.С. Кулаеву
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

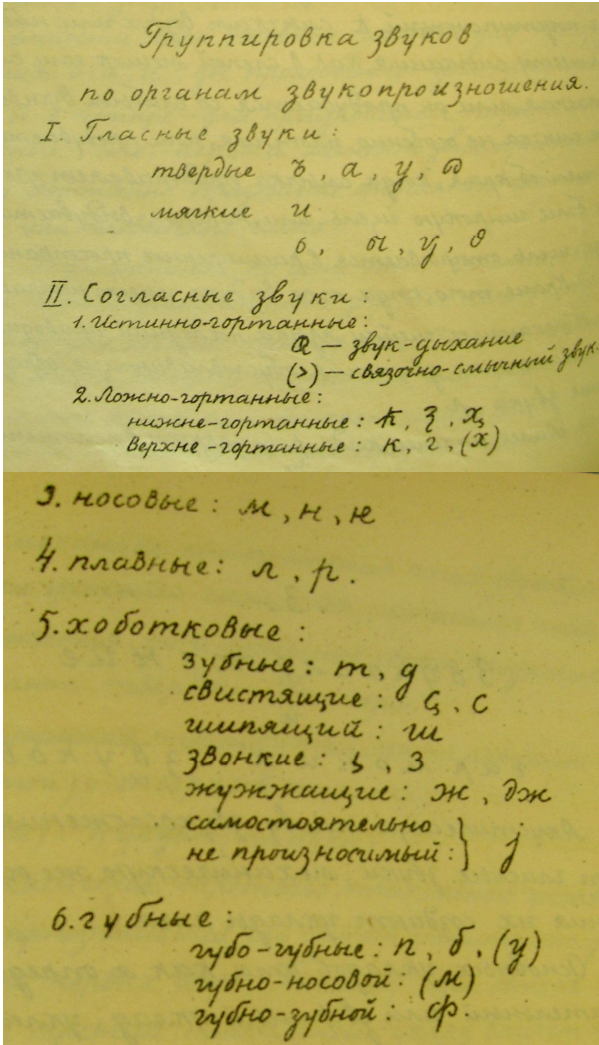
Приложение № 20

Схематический рисунок речевого аппарата по М.С. Кулаеву
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

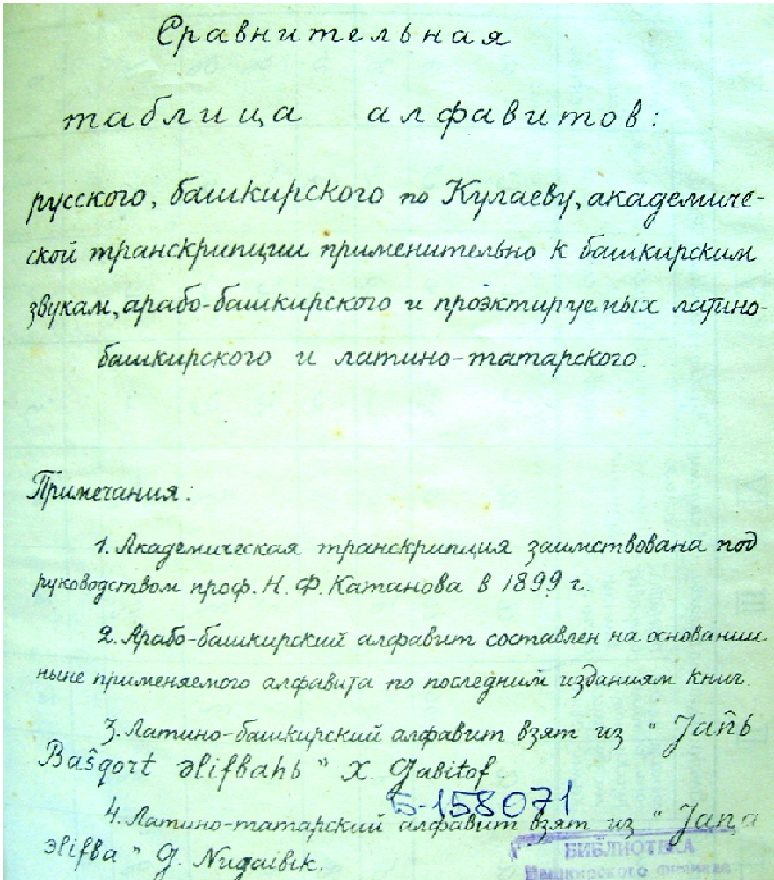

Приложение № 21

Классификация звуков башкирского языка по М.С. Кулаеву
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

Сравнительная таблица алфавитов, составленная М.С. Кулаевым
(из книги «Основы звукопроизношения и азбука для башкир»)

Русский алфавит	Вашинский по Кулаву			Арабские транскрипции	Арабская транскрипция			Литинско-башкирский	Литинско-татарский
	свойства и русские дву- кратки	не свой- ств и русские букв.	и свой- ств и русские букв.		в конце слов	в сре- ди слов	в нача- ле слов		
а	а		а	а	ا	ا	ا	а	а
б	б	б	б	б	ب	ب	ب	б	б
в			в		в	в	в	в	в
г		г	г	г	ج	ج	ج	г	г
д	д		д	д	د	د	د	д	д
е		е	е	е	ه	ه	ه	е	е
ж		ж	ж	ж	ح	ح	ح	ж	ж
з		з	з	з	ز	ز	ز	з	з
и			и		ي	ي	ي	и	и
к			к	к	ك	ك	ك	к	к
л			л	л	ل	ل	ل	л	л
м			м	м	م	م	م	м	м
н			н	н	ن	ن	ن	н	н
о			о	о	و	و	و	о	о
п			п	п	پ	پ	پ	п	п
р			р	р	ر	ر	ر	р	р
с			с	с	س	س	س	с	с
т			т	т	ت	ت	ت	т	т
у			у	у	و	و	و	у	у
ф			ф	ф	ف	ف	ف	ф	ф
х			х	х	خ	خ	خ	х	х
ц			ц	ц	س	س	س	ц	ц
ч			ч	ч	چ	چ	چ	ч	ч
ш			ш	ш	ش	ش	ش	ш	ш
щ			щ	щ	ش	ش	ش	щ	щ
ъ			ъ	ъ	و	و	و	ъ	ъ
ы			ы	ы	ي	ي	ي	ы	ы
э			э	э	ه	ه	ه	э	э
ю			ю	ю	ي	ي	ي	ю	ю
я			я	я	ي	ي	ي	я	я

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к
а	а		а	а	ا	ا	ا	а	а
б	б	б	б	б	ب	ب	ب	б	б
в			в		в	в	в	в	в
г		г	г	г	ج	ج	ج	г	г
д	д		д	д	د	د	د	д	д
е		е	е	е	ه	ه	ه	е	е
ж		ж	ж	ж	ح	ح	ح	ж	ж
з		з	з	з	ز	ز	ز	з	з
и			и		ي	ي	ي	и	и
к			к	к	ك	ك	ك	к	к
л			л	л	ل	ل	ل	л	л
м			м	м	م	م	م	м	м
н			н	н	ن	ن	ن	н	н
о			о	о	و	و	و	о	о
п			п	п	پ	پ	پ	п	п
р			р	р	ر	ر	ر	р	р
с			с	с	س	س	س	с	с
т			т	т	ت	ت	ت	т	т
у			у	у	و	و	و	у	у
ф			ф	ф	ف	ف	ف	ф	ф
х			х	х	خ	خ	خ	х	х
ц			ц	ц	س	س	س	ц	ц
ч			ч	ч	چ	چ	چ	ч	ч
ш			ш	ш	ش	ش	ش	ш	ш
щ			щ	щ	ش	ش	ش	щ	щ
ъ			ъ	ъ	و	و	و	ъ	ъ
ы			ы	ы	ي	ي	ي	ы	ы
э			э	э	ه	ه	ه	э	э
ю			ю	ю	ي	ي	ي	ю	ю
я			я	я	ي	ي	ي	я	я

Русский алфавит	I		II		III		IV		V			VI		VII
	Вашкирский по сравнению с русским звуками.	не совпадают с русским звуками.	Курдскому по сравнению с русским звуками.	Курдскому по сравнению с русским звуками.	Арабская транскрипция.	Арабо-вашикский в конце слов	Арабо-вашикский в середине слов	Арабо-вашикский в начале слов	Лезгинские	Лезгинские				
о		o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
н	n		n	n	n	ن	ن	ن	ن	ن	ن	ن	ن	ن
р	p		p	p	p	پ	پ	پ	پ	پ	پ	پ	پ	پ
с	s		s	s	s	س	س	س	س	س	س	س	س	س
т	t		t	t	t	ت	ت	ت	ت	ت	ت	ت	ت	ت
у	y		y	y	y	ي	ي	ي	ي	ي	ي	ي	ي	ي

х		خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ	خ
ц		צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ
ч		چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ	چ
ш	ش		ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش	ش
щ														
б														
в														
з														
ж														
д														
т														
32	18	16	34	(34)										

Из книги М.С. Кулаева «Твердый алфавит башкирского языка»
(Казань, 1928, С. 1-4)

1

Твердый алфавит башкирского языка.

Вступление.

Мысль о нормальной азбуке для башкир никогда не покидала меня еще со школьной скамьи. В 1912 году я впервые попытался объявить публично свои мысли в книжке «Основы звуко-произношения и азбука для башкир». В этой книжке я дал 34 звуко-знаков (букв), составленных на основе русского алфавита. Они — следующие:

а, вѣ, б, г, з, д, ъ, в, ж, ф (дж), 3, 4, и, ј,
к, љ (к), л, м, н, њ, од, о, п, р, с, 5 (с), т, у,
у, ф, х (х), 9 (а), ш, (ъ) — 34 звукознака.

Примечание: в скобках — дж, к, с, х, а — ныне применяемые буквы; знак љ взят в скобки в виду того, что он вообще употребляется как надстроженный знак.

После издания этой книжки сложившиеся обстоятельства долгое время не позволяли мне зати-

матвсья далнейшей разработкой поднятоо вопроса. Только лишь в 1919 году я вновь стал заниматься почти забытой мною работой и отлитографировал азбуку — „А.л.в.п.в.ј“; предназначая ее, как материал для разработки.

В этой азбуке я ввел в алфавит некоторые изменения; именно, во-первых, я выпустил букву ј (дж), как звук непостоянный в башкирской речи. Башкиры пользуются в своей речи преимущественно звуком ј и иногда только произносят его как ј (дж). В отношении других звуков вместо љ (д лат.) ввел знак љ, в виду того, что многие букву љ принимали за латинский љ и часто путали при чтении. Затем изменил написание буквы ѣ, так как она по своей форме слишком отдавая лась от основной с и таким образом вносила известного рода диссонанс в понимание ее; — я ее заменил знаком с. Буква ѣ заменена буквой ѣ для удобства письма.

Таким образом „А.л.в.п.в.ј“ заключал в себе не 34 звуко-знака, а 33, и три видоизмененных буквы: љ, с, ѣ.

С началом революции в башкирской и татарской письменности наступила бурная анархия: писали, как кто хотел и как мог, никакой орфографии; напр., слово ѡј (дом) писали ѡ1, ѡ1, ѡѡ; и только теперь, совсем недавно, стали писать ѡ'ѡ'.

Это анархическое возбуждение в башкирском и

татарская письменность оказывало свое действие и на меня, но я не имел времени и возможности разрабатывать волнующие всех вопросы и указать на некоторые основные положения, без которых составление нормального алфавита было, вообще, невозможно. Тем не менее в то время, когда дебатировались столь жгучие вопросы письменности, о которых я так долго думал, оставаться в стороне было для меня неприятно, и я решил выступить с докладом, который озаглавлен „Звуковые явления речи и азбука.“ Доклад свой я прочитал в Обществе Татароведения 12 октября 1923г. Доклад вызвал довольно оживленный обмен мнений среди присутствовавших, и главное внимание сосредоточилось на произношении звуков *у, о, в* и на их парных мягких *у, о, в*.

Между прочим, во вступительной части моего доклада я позволил себе заметить, что я „первый прокладываю путь к вершинам Олимпийских высот европейской культуры, строго первую ступень лестницы к ним?“, что, следовательно, башкирцы сегодня могут сказать, что у него есть эта ступень — крепкая и прочная, ибо он может записывать правильно и по-башкирски „читать“, и, как пример тому, я тут же представил свой „Аль-бэ“

Верно. Сегодня я имею удовольствие констатировать, что татары, наконец, пришли к этому правиль-

тому звуковому методу письма. Примером тому служит
„Җаңа элиба“ Җ. Нидајвик. Беру на выдержку первый по-
явившийся пример из этой книжки:

„Ватъза вабан сөзә, җаньнда ете өзә“ (Батыр-
ша помнит пашню, при нем лает его собака).
Эту поговорку башкиры написали бы: „Батърша
вабан афры, җаньнда вѣтъ өры“, т.е. получается
полное совпадение звукосогласных обоих языков.

Итак, мои основные положения о звуковых явлениях
режи и афры оказались правильными, и татары после
долгих буржданий пришли к одинаковому со мною пользо-
ванию звуками режи.

Но названный доклад представлял мою побочную
работу, вызванную скорее событиями дня, а не требовани-
ями основной моей работы. Главной же моей работой, кото-
рая занимала меня в то время, было выяснение основ зву-
копроизношения и звукообразования в башкирском языке.
Работу эту мне удалось впервые закончить в текущем
1928 году и издать, разумеется, стеклографским пу-
тем. Она носит название „О звуках башкирского языка“.

Из книги Кулаева М.С. «Твердый алфавит бакирского языка»
(Казань, 1928. С. 15-16)

Основная культура нашей страны создается и проводится на русском языке: на нем издаются законы, печатаются центральные органы, разработаны высшая научная система и т. д. Поэтому нацмены, вернувшись на путь культурной жизни, могут идти вперед не иначе, как используя русские культурные достижения; перескочить же им через эти достижения нет возможности. Это обстоятельство в конечном счете требует обязательного знания русского языка. И, действительно, в данное время нацмены, более или менее стремляющиеся к культуре, все погоды грамотны по-русски; даже и малограмотные так или иначе знакомы с русским языком и русской письменностью. Даже есть бакирцы, равным образом и татары, которые по-своему вообще не грамотны, а говорят, читают и пишут по-русски. Это обстоятельство ставит на вид то, что русская азбука уже знакома массе, то буквы, соответствующие родным звукам, уже зафиксированы в памяти нацмена, что нет лишь знаков для тех родных звуков, которые не соответствуют русской речи. Этих несвойственных русской речи бакирских звуков всего 16. Эти 16 звуков в твердом алфавите бакирского языка точно выделены и обозначены специальными знаками, буквами. Нет никакого сомнения в том, что бакирскому, чувашскому 16 общих звуко-знаков.

не представит особенного труда усвоить и 16 специальных
звучко-знаков, и, наоборот, башкирину, усвоившему родные
звучки по твердому алфавиту и вместе с тем 18 общих звучко-
знаков, не представит особенного труда усвоить остальные
14 русских звучко-знаков, несвойственных родной речи

Если теперь взять латинский алфавит, то башкирину,
равным образом и татарину, знакомой с русским алфавитом,
встретит в нем своего рода несурразности. Надо напомнить, что
наступающий обугатвая грамоте еще не понимает... В самом
деле, он должен вместо

русского	р	читать	и	писать	г
	ж	"	"	"	т.
	н	"	"	"	п и т. д.

Эти несоответствия звучко-знаков долгое время должны
будут занимать внимание учащихся, путая их, как в уче-
нии, так и в писании, и наоборот, если башкирину предвари-
тельно усвоил звуки родного языка по латинскому алфавиту,
то ему при переходе на русский язык придется усваивать
гораздо больше специальных знаков русского языка.

Таким образом, если встать на точку зрения точности,
ясности и легкой усвояемости, то преимущество русского
алфавита перед латинским само-собой ясно, а потому при
знании арабско-башкирского алфавита я склонен признать бо-
лее правильным положить в основу не латинский, а русский
алфавит.

Т. Казань 19/12/1928.

Жулаев.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. Основные этапы развития письма	8
Дописьменный период	15
Письменный период.....	30
Глава 2. Виды фонографического письма, имеющие отношение к башкирскому письму	36
Руническое письмо.....	36
Уйгурское письмо	44
Письмо, основанное на арабской графике	47
Латинское письмо.....	55
Современное башкирское письмо на кириллице.....	57
Глава 3. Азбуки для башкир и алфавиты башкирского языка, составленные в XIX – начале XX веков	67
Букварь и словари В.В. Катаринского	68
Алфавит и букварь А.Г. Бессонова	71
Алфавит Н.Ф. Катанова.....	73
Грамматика М.С. Уметбаева.....	75
Алфавит и азбука М.С. Кулаева.....	77
Заключение.....	80
Использованная и рекомендуемая литература	83
Приложения	93

Научное издание

Ляйля Мидхатовна Хусаинова,
кандидат филологических наук, доцент
(Стерлитамакский филиал БашГУ)

БАШКИРСКОЕ ПИСЬМО

Монография

Ответственный редактор – доктор филологических наук,
профессор **Эрнст Файзрахманович Ишбердин** (Башкирский
государственный университет, г. Уфа)

Зав. редакцией *М.Н. Арсланова*

Редактор отдела *Г.У. Халилова*

Компьютерный набор и верстка *Л.М. Хусаиновой, Г.У. Халиловой*

Редактор *Л.М. Хусаинова, В.Ш. Галимов*

*Автор несет ответственность за достоверность
материалов, изложенных в книге*

Подписано в набор 21.11.2012 г.

Подписано в свет 20.12.2012 г.

Бумага офсетная.

Печать оперативная.

Тираж 300 (1-й завод 115) экз.

Заказ № /12.

Подписано в печать 06.12.2012 г.

Формат 60x84_{1/16}.

Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л. 6,5.

Усл. печ. л. 6,9.

Цена договорная.

Редакционно-издательский отдел Стерлитамакского филиала БашГУ:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

Отпечатано в полиграфическом участке Стерлитамакского
филиала БашГУ: 453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49.